П. КРОПОТКИНЪ.

ЭТИКА АНАРХИЗМА.

Перев. съ франц. Рафаилова.

5к

1866
20

635
70

Исторія человѣческой мысли напоминаетъ собой колебанія маятника, и колебанія эти длятся уже цѣлые вѣка. Послѣ долгаго періода сна, наступаетъ моментъ пробужденія. Тогда мысль освобождается отъ цѣпей, которыми тщательно опутывали ее всѣ заинтересованныя стороны—правительство, церковь, законъ—и разбиваетъ ихъ. Она подвергаетъ строгой критикѣ все то, чему ее учили, и обнажаетъ пустоту религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ и соціальныхъ предразсудковъ,—на лонѣ которыхъ она прозябала. Она направляетъ свои поиски по невѣдомымъ путямъ, обогащаетъ наши познанія неожиданными открытіями, создаетъ новыя науки.

Но скоро закоренѣлые враги идеи—правительство, законъ и религія—оправляются отъ пораженія. Мало по малу они стягиваютъ свои разсѣянныя силы: они освѣжаютъ свои вѣрованія и законы, приспособляя ихъ къ новымъ потребностямъ. Пользуясь рабской покорностью (характера и мысли), которую они сами культивировали, пользуясь кратковременной дезорганизаціей общества, эксплоатируя стремленіе къ покою однихъ, жажду богатства другихъ и обманутыя надежды третьихъ—эти обманутыя надежды въ особенности—они понемногу снова принимаются за свою задачу и захватываютъ сначала въ свои руки дѣло воспитанія въ лицѣ ребенка.

Умъ ребенка такъ еще слабъ, его такъ легко покорить дѣйствіемъ страха. Къ этому-то они и прибѣгаютъ. Они дѣлаютъ его боязливымъ, а потомъ говорятъ ему о мукахъ ада, развертываютъ передъ нимъ картину страданій души. А минуту спустя, они будутъ говорить ему объ ужасахъ Революціи, они будутъ эксплоатировать частные случаи крайности революціонеровъ, чтобы сдѣлать ребенка „другомъ порядка“. Духовное лицо будетъ пріучать его къ идеѣ законности для того, чтобы дитя

легче повиновалось тому, что тотъ назоветъ божественнымъ закономъ, а адвокатъ будетъ говорить ему о божественномъ законѣ для того, чтобы ребенокъ легче повиновался гражданскимъ законамъ. И такимъ образомъ идеи грядущаго поколѣнія усвоятъ этотъ религіозный отпечатокъ, этотъ отпечатокъ абсолютизма и рабства мысли въ одно и то-же время, такъ какъ абсолютизмъ и рабство всегда идутъ рука объ руку въ силу привычки къ покорности, которую мы имѣли достаточно случаевъ изучить у своихъ современниковъ. Въ эти періоды сна, вопросы морали рѣдко подвергаются обсужденію. Они подмѣняются религіозными обычаями и юридическимъ лицемѣріемъ. Критика отсутствуетъ; всѣ отдаются силѣ привычки и индефферентизму. Установленный кодексъ морали не воздвигаетъ ни за, ни противъ себя страстныхъ адептовъ. Всякій старается, по мѣрѣ силъ, согласовать, во внѣшности, свои поступки съ тѣмъ, что онъ якобы исповѣдуетъ. И нравственный уровень общества все болѣе и болѣе понижается. Такъ мы приходимъ къ этикѣ римлянъ временъ упадка, къ этикѣ стараго режима, къ морали, характеризующей конецъ буржуазнаго режима.

Все, что въ человѣкѣ было добраго, возвышеннаго, великодушнаго и независимаго, мало по малу притупляется и покрывается ржавчиной, подобно долго остававшемуся безъ употребленія ножу. Ложь становится добродѣтелью, пошлость—обязанностью. Пріобрѣтать богатства, ловить минуты наслажденія, расточать сокровища ума, чувства и энергіи какъ попало,—вотъ что становится лозунгомъ достаточныхъ классовъ такъ-же какъ и большинства бѣдняковъ, которые видятъ свой идеалъ въ томъ, чтобы казаться буржуа. Тогда растлѣніе правящаго класса—судей, духовенства и болѣе или менѣе зажиточныхъ классовъ становится до того возмутительнымъ, что является толчкомъ къ началу обратнаго колебанія маятника.

Молодежь мало по малу эмансипируется и выбрасываетъ за бортъ всѣ предразсудки, снова начинаетъ говорить критика, просыпается мысль, сначала въ единичныхъ личностяхъ, и—незамѣтно пробужденіе охватываетъ массу. Происходитъ напоръ. Вспыхиваетъ революція.

* * *

И каждый разъ на сцену возвращаются вопросы этики: „Почему я долженъ слѣдовать принципамъ этой лицемѣрной морали?“, возникаетъ вопросъ въ освободившемся отъ религіознаго ужаса мозгу. „Почему какая бы то ни была мораль должна являться обязательной?“.

Тогда появляются попытки отдать себѣ отчетъ въ этомъ нравственномъ чувствѣ, съ которымъ сталкиваешься на каждомъ шагу, не умѣя объяснить себѣ его природу, и объясненіе которому будетъ найдено только тогда, когда его перестанутъ считать привиллегіей человѣческой натуры, а снизойдутъ къ животнымъ, растеніямъ, скаламъ для того, чтобы понять его сущность. Тѣмъ не менѣе продолжаются попытки найти объясненіе вопроса, которое согласовалось бы съ данными современной науки.

Нужно-ли оговариваться? Чѣмъ больше подкапываются основы обиходной морали или, правильнѣе, замѣняющаго ее лицемѣрія,—тѣмъ болѣе повышается нравственный уровень общества. Какъ разъ въ эти-то періоды, именно тогда, когда моральное чувство критикуется и отрицается вовсе, тогда то оно и дѣлаетъ самые быстрые успѣхи въ своемъ развитіи; тогда то оно возвышается, растетъ, совершенствуется.

* * *

Примѣръ этому можно найти въ XVIII вѣкѣ. Уже въ 1723 г. Мандевилль, анонимный авторъ, который скандализировалъ Англію своей „басней о пчелахъ“ и добавленными къ ней комментаріями нападалъ открыто на общественное лицемѣріе, слывущее Моралью. Онъ доказываетъ, что такъ называемая нравственность обиходныхъ обычаевъ только маска лицемѣрія, что страсти, которыя якобы сдерживаются кодексомъ ходячей морали, наоборотъ, принимаютъ тѣмъ болѣе гибельное направленіе, чѣмъ больше ограниченій налагаетъ на нихъ кодексъ. Подобно Фурье, онъ требовалъ полной свободы проявленіямъ страстей для того, чтобы онѣ не выродились въ такое-же количество пороковъ. Онъ объяснялъ происхожденіе моральныхъ идей у человѣчества потворствомъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ лицъ—родителей и правящихъ классовъ, отдавая этимъ дань недостатку знаній по зоологіи въ его время. Всѣмъ извѣстна энергичная критика идей нравственности, которую внесли шотландскіе философы и энциклопе-

дисты. Извѣстны анархисты 1793 г., и всѣ знаютъ на чьей сторонѣ сказывается наиболѣе высокоразвитое чувство нравственности?—у законовѣдовъ, патріотовъ и якобинцевъ, которые воспѣвали принципъ принудительности и моральную санкцію Верховнаго Существа, или—у атеистовъ—гербертистовъ, которые, подобно Гюйо, отрицали и принудительность и санкцію морали?

* * *

„Почему я обязанъ быть нравственнымъ?“ вотъ вопросъ, который поставили себѣ раціоналисты XII вѣка, философы XVI, мыслители и революціонеры XVIII вѣка. Позже къ этому вопросу снова возвращаются англійскіе утилитаристы (Бентамъ и Милль), нѣмецкіе матеріалисты, какъ Бюхнеръ, русскіе нигилисты 60—70 гг., молодой основатель этики анархизма (наука объ общественной нравственности) Гюйо, къ несчастью, слишкомъ рано умершій. Вотъ этотъ-то вопросъ и ставятъ себѣ въ данный моментъ молодые французскіе анархисты.

* * *

И въ самомъ дѣлѣ, почему?

Тридцать лѣтъ тому назадъ этимъ вопросомъ увлекалась русская молодежь. „Я поступаю безнравственно въ данномъ случаѣ, говоритъ юный нигилистъ своему другу,—иллюстрирую первымъ подвернувшимся фактомъ волнующія его мысли,—я окажусь безнравственнымъ, но почему мнѣ и не поступить безнравственно?

Не потому-ли, что этого требуетъ библія? Но вѣдь библія—собраніе вавилонскихъ и іудейскихъ преданій—не болѣе. Это традиціи, составленныя подобно сборнику пѣсенъ Гомера, пѣсенъ басковъ или монгольскихъ легендъ! Развѣ я долженъ возвратиться къ умственному уровню полуварварскихъ народовъ Востока? Неужели я окажусь безнравственнымъ, потому что Кантъ говоритъ мнѣ о категорическомъ императивѣ, о таинственномъ велѣніи, которое зарождается въ глубинѣ моего я и повелѣваетъ быть нравственнымъ? Но почему-же этотъ „категорическій императивъ“ имѣетъ болѣе правъ на мои поступки, чѣмъ другой императивъ, который отъ времени до времени повелѣваетъ мнѣ напиться пьянымъ? Все дѣло въ одномъ словѣ.

Только одно слово! Развѣ это не совершенно то-же, что Провидѣніе или Рокъ—слова, выдуманныя для того, чтобы скрыть наше невѣжество!

— „Или я обязанъ быть нравственнымъ для того, чтобы доставить удовольствіе Бентаму, который хочетъ меня увѣрить, что я буду счастливѣе, если утону самъ, спасая прохожаго упавшаго въ рѣку, чѣмъ если буду смотрѣть, какъ онъ тонетъ?

— „Или еще потому, что я получилъ то, а не другое воспитаніе? Потому что нравственность мнѣ преподавала моя мать? Но въ такомъ случаѣ, развѣ я не долженъ также падать ницъ передъ всякой картиной, изображающей христа или мадону, уважать короля или императора, кланяться судьѣ, котораго считаю мошенникомъ,—и все это только потому, что моя мать, всѣ наши матери—очень добрыя, но очень невѣжественныя, научили насъ цѣлой кучѣ глупостей?

„Все это—такіе же предразсудки, какъ и все остальное, и я буду работать надъ тѣмъ, чтобы отъ нихъ отдѣлаться. Если мнѣ противно быть безнравственнымъ, я употреблю надъ собою усиліе, чтобы сдѣлаться таковымъ, какъ въ юности старался не бояться темноты, кладбища, привидѣній и мертвецовъ, къ которымъ мнѣ внушали страхъ. Я сдѣлаю это, чтобы сломать оружіе, которымъ пользуется религія, сдѣлаю это, наконецъ, хотя бы для того, чтобы протестовать противъ лицемѣрія, которое намъ навязываютъ во имя одного с л о в а, именемъ котораго окрестили нравственность“.

* * *

Вотъ какъ разсуждала русская молодежь въ тотъ моментъ, когда она порывала съ предразсудками Стараго Міра и воздвигала знамя нигилизма, или вѣрнѣе, философіи анархизма: „Не преклоняться ни передъ к а к и м ъ авторитетомъ, какъ бы высоко его ни ставили; не слѣдовать никакому принципу до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ провѣренъ разумомъ“.

Излишне прибавлять, что нигилистическая молодежь, выбросивъ въ корзину съ хламомъ ученіе о нравственности своихъ отцовъ и предавъ пламени всѣ системы нравственности выработала въ своихъ нѣдрахъ зародышъ нравственнаго п о в е д е н і я,

который былъ безконечно возвышеннѣе всего того, что практиковали ихъ отцы подъ опекой Евангелія, „совѣсти“, „категорическаго императива“ или „разумно понятой пользы“ утилитарной школы.

Но прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ: Почему я долженъ быть нравственнымъ?, посмотримъ, однако, правильно ли поставленъ самый вопросъ, проанализируемъ мотивы человѣческихъ поступковъ.

II.

Когда наши предки хотѣли дать себѣ отчетъ въ томъ, какой импульсъ заставляетъ человѣка поступить такъ или иначе, они приходили къ этому выводу очень просто. Еще до сихъ поръ сохранились католическія иконы, изображающія способъ, которымъ они объясняли себѣ это.

Идетъ человѣкъ по полю, совершенно не замѣчая того, что на лѣвомъ его плечѣ сидитъ чортъ, а на правомъ—ангелъ. Діаволъ толкаетъ его на то, чтобы сотворить зло, а ангелъ пытается удержать его отъ этого.

Если ангелъ одержитъ верхъ, и человѣкъ останется добродѣтельнымъ, его подхватываютъ три другіе ангела и уносятъ на небо. Такъ все объясняется какъ по писанному.

Наши старыя няньки, очень хорошо освѣдомленныя на этотъ счетъ, скажутъ вамъ, что никогда не слѣдуетъ укладывать ребенка въ постель, не разстегнувъ ему ворота рубахи. У самаго основанія шеи, надо оставить открытымъ тепленькое мѣстечко, гдѣ могъ бы пріютиться ангелъ хранитель. Въ противномъ случаѣ діаволъ будетъ мучить ребенка даже во снѣ.

Эти наивныя разсужденія исчезаютъ. Но хотя старыя термины перестаютъ существовать, сущность всетаки остается одна и та же.

Просвѣщенная порода не вѣритъ болѣе въ черта, но такъ какъ ея идеи не разумнѣе вѣрованій нашихъ старыхъ нянекъ, она лицемѣрно прикрываетъ чорта и ангела схоластической болтовней, которую почтили названіемъ философіи Вмѣсто „чорта“ теперь говорятъ „плоть, страсти“. „Ангелъ“ замѣняется словами „совѣсть или душа“,—„отраженіе мысли Бога—творца“ или „великаго зодчаго“, какъ говорятъ франкъ-массоны. Но поступки лю-

дей по прежнему изображаются какъ результатъ борьбы двухъ враждебныхъ элементовъ. И всетаки человѣкъ продолжаетъ считаться добродѣтельнымъ по стольку, по скольку одинъ изъ этихъ элементовъ—душа или совѣсть—одержитъ большее количество побѣдъ надъ другимъ—плотью или страстями.

Не трудно понять изумленіе нашихъ дѣдушекъ, когда англійскіе философы, а позже энциклопедисты, стали увѣрять, вопреки этимъ примитивнымъ концепціямъ, что чорту и ангелу нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до человѣческихъ поступковъ, что всѣ поступки человѣка, хорошіе и дурные, полезные и вредные, проистекаютъ только изъ одного мотива: стремленія къ наслажденію.

Вся религіозная братія и многочисленное племя фарисеевъ, въ особенности, завопили о безнравственности. Всякія поношенія посыпались на мыслителей, которыхъ предали анаѳемѣ. И когда, нѣсколько позднѣе, уже въ теченіе нынѣшняго вѣка, къ тѣмъ же идеямъ вернулись Бентамъ, Джонъ Стюартъ Милль, Чернышевскій и многіе другіе, когда эти мыслители стали утверждать и доказывать, что Эгоизмъ, или—стремленіе къ наслажденію, является единственнымъ мотивомъ всѣхъ нашихъ поступковъ, проклятія возобновились съ удвоенной силой. Сочиненія ихъ были встрѣчены молчаливымъ заговоромъ, къ ихъ авторамъ отнеслись, какъ къ невѣждамъ.

* * *

А мѣжду тѣмъ, что можетъ быть справедливѣе этого положенія?

Вотъ человѣкъ, который отнимаетъ послѣдній кусокъ хлѣба у ребенка. Всѣ приходятъ къ единодушному заключенію, что онъ ужасный эгоистъ, что имъ руководитъ исключительно себялюбіе.

Но вотъ другой человѣкъ, котораго всѣ считаютъ добродѣтельнымъ; онъ дѣлится послѣднимъ кускомъ хлѣба съ голоднымъ, онъ снимаетъ съ себя одежду и отдаетъ ее холодному. И вотъ, моралисты, всегда говорящіе на своемъ религіозномъ жаргонѣ, спѣшатъ заявить, что онъ доводитъ принципъ любви къ ближнему до самоотреченія, что имъ руководитъ чувство не имѣющее ничего общаго съ эгоизмомъ.

А между тѣмъ, достаточно немножко поразмыслить, чтобы тотчасъ сдѣлалось яснымъ, что, не смотря на то, что оба эти поступка совершенно различны по своимъ результатамъ для человѣчества, мотивомъ ихъ является одно и то же, а именно стремленіе къ наслажденію. Если бы человѣкъ, отдающій свою послѣднюю рубашку, не находилъ наслажденія въ этомъ поступкѣ, онъ не совершилъ бы его. Онъ отнялъ бы хлѣбъ у ребенка, если бы это доставляло ему удовольствіе, но это ему претитъ, ему доставляетъ наслажденіе отдавать, и онъ на самомъ дѣлѣ отдаетъ.

Если бы не существовало опасности смѣшенія понятій при употребленіи въ новомъ смыслѣ словъ, уже имѣющихъ опредѣленное значеніе, можно было бы сказать, что импульсомъ поступковъ и того и другого человѣка былъ ихъ эгоизмъ.
Нѣкоторые такъ и выражались на самомъ дѣлѣ для того, чтобы придать болѣе выпуклости мысли, точнѣе формулировать идею, выражая ее въ такой формѣ, которая поражаетъ воображеніе и въ одно и то же время уничтожаетъ легенду, утверждающую, что каждымъ изъ приведенныхъ выше поступковъ руководили два различные мотива. Мотивъ былъ одинъ и тотъ же — стремленіе къ наслажденію или, что совершенно то же, желаніе избѣгнуть страданія.

Возьмите отъявленнаго негодяя; какого нибудь Тьера, который избиваетъ тридцать пять тысячъ Парижанъ, возьмите убійцу, который вырѣзываетъ цѣлую семью, чтобы погрязнуть въ развратѣ. Они дѣлаютъ это потому, что въ данный моментъ жажда славы или денегъ беретъ у нихъ верхъ надъ всѣми другими стремленіями. Чувство жалости, даже состраданія совершенно заглушаются въ этотъ моментъ иными чувствами, иною жаждой. Они поступаютъ почти какъ автоматы, чтобы удовлетворить одной изъ потребностей своей природы.

Или, оставляя въ сторонѣ сильныя страсти, возьмите дрянненькую натуришку—человѣка, который надуваетъ своихъ друзей, лжетъ на каждомъ шагу, то съ цѣлью выманить денегъ на кружку пива, то просто изъ хвастовства или хитрости. Возьмите буржуа, который по грошамъ обворовываетъ своихъ рабочихъ для того, чтобы купить брилліанты женѣ или любовницѣ.

Возьмите любого мелкаго плута: вѣдь и этотъ тоже повинуется только своей склонности, онъ стремится къ удовлетворенію потребности, онъ старается избѣгнуть того, что причиняетъ ему страданіе.

Чувствуется нѣкотораго рода неловкость при сравненіи этого мелкаго плута съ тѣмъ героемъ, который приноситъ въ жертву цѣликомъ всю свою жизнь для освобожденія угнетенныхъ и всходитъ на эшафотъ, подобно русскимъ нигилистамъ, до того привлекательнымъ является одно и—отвратительнымъ другое. А между тѣмъ, если бы обратились къ этому мученнику—къ женщинѣ, которой сейчасъ предстоитъ висѣлица, даже въ ту минуту, когда она готова взойти за эшафотъ, она скажетъ вамъ, что не согласна отдать въ обмѣнъ ни свою жизнь, жизнь затравленнаго звѣря, ни даже свою смерть за жизнь того мелкаго мошенника, который живетъ на украденные гроши рабочихъ. Она находитъ въ своей жизни, въ борьбѣ со всесильными чудовищами наивысшее для с е б я наслажденіе.

Все то, что выходитъ изъ рамокъ этой борьбы, мелочныя радости и горести буржуазнаго существованія кажутся ей такими скудными и жалкими: „Вы не живете, а прозябаете“, отвѣтитъ она вамъ.—„Я же жила!“

Само-собой, мы говоримъ о преднамѣренныхъ, сознательныхъ поступкахъ человѣка, оставляя за собою право коснуться позднѣе огромнаго количества безсознательныхъ, почти машинальныхъ поступковъ, которыми переполнена огромная часть нашей жизни. Итакъ, въ своихъ сознательныхъ и разумныхъ поступкахъ человѣкъ руководится всегда стремленіемъ къ тому, что доставляетъ ему наслажденіе.

Одинъ ежедневно напивается и доводитъ себя до состоянія безсловеснаго животнаго потому, что ищетъ въ винѣ того нервнаго возбужденія, котораго недостаетъ его нервной системѣ. Другой не пьетъ и отказывается отъ вина несмотря на то, что оно доставляетъ ему удовольствіе, для того, чтобы насладиться другими радостями, которыя онъ предпочитаетъ вину. Но развѣ онъ не поступаетъ совершенно такъ, какъ лакомка, который, пробѣжавъ меню парадnаго обѣда, отказывается даже отъ любимаго блюда

для того, чтобы объѣсться другимъ. которое онъ предпочитаетъ первому?

Чтобы ни дѣлалъ человѣкъ, онъ всегда стремится къ наслажденію или избѣгаетъ страданія.

Когда женщина лишаетъ себя послѣдняго куска хлѣба для того, чтобы отдать его первому встрѣчному, когда она снимаетъ съ себя послѣднее рубище для того, чтобы согрѣть другую иззябшую женщину, а сама дрожитъ отъ холода на палубѣ судна, она дѣлаетъ это потому, что страдала бы неизмѣримо сильнѣе при видѣ голоднаго и холоднаго, чѣмъ страдаетъ отъ голода и холода сама. Она избѣгаетъ страданія, острота котораго знакома лишь тому, кто самъ испыталъ его.

Когда австраліецъ, котораго приводитъ въ примѣръ Гюйо, изнываетъ при одной мысли о томъ, что еще не отмстилъ за смерть своего родича, когда онъ чахнетъ, терзаемый сознаніемъ своей трусости, и оживаетъ лишь тогда, когда уже свершилъ актъ мести, онъ часто способенъ на геройскій подвигъ для того, чтобы отдѣлаться отъ угнетающаго его чувства и вновь обрѣсти внутреннее удовлетвореніе, которое является высшимъ наслажденіемъ.

Когда толпа обезьянъ, при видѣ товарища сраженнаго пулею охотника, осаждаетъ его палатку и требуетъ возвращенія трупа, не взирая на грозное дуло ружья, когда, наконецъ, предводитель стаи смѣло входитъ въ палатку, сначала угрожая охотнику, а затѣмъ умоляя его, и заставляетъ его своими жалобами возвратить трупъ, а вся стая съ воплями уноситъ его въ лѣсъ, обезьяны повинуются инстинкту сочувствія, который говоритъ громче всякихъ соображеній о личной безопасности. Это чувство беретъ у нихъ верхъ надъ всѣми остальными. Самая жизнь теряетъ въ ихъ глазахъ свою прелесть до того момента, когда они убѣдятся, наконецъ, что уже не въ состояніи возвратить своего товарища къ жизни. Это чувство становится до того гнетущимъ, что бѣдныя животныя рискуютъ всѣмъ для того, чтобы отдѣлаться отъ него.

Когда муравьи цѣлыми тысячами кидаются въ пылающій муравейникъ, подожженный этимъ злымъ животнымъ—человѣкомъ, и погибаютъ цѣлыми сотнями, спасая своихъ личинокъ, они опять таки повинуются потребности сохраненія своего потомства.

Они рискуютъ всѣмъ ради удовольствія унести съ собой эти личинки, которыя они ростили съ большею заботою, чѣмъ воспитываетъ своихъ дѣтей любая буржуазная мать.

Наконецъ, когда инфузорія, избѣгая слишкомъ знойныхъ лучей, отправляется на поиски болѣе умѣренной температуры, или растеніе поворачиваетъ цвѣты къ солнцу или сворачиваетъ свои листья при наступленіи ночи,—всѣ эти существа опять таки повинуются потребности избѣжать страданія и стремиться къ наслажденію: муравей, точно такъ-же какъ австраліецъ, христіанскій мученникъ, какъ и мученникъ—анархистъ.

* * *

Стремиться къ наслажденію, избѣгать страданія—это универсальный факторъ (нѣкоторые сказали бы—законъ) органической жизни міра. Въ этомъ заключается самая сущность жизни. Не будь этого стремленія къ удовольствію, сама жизнь стала бы невозможной. Организованная матерія распалась бы, и жизнь прекратилась.

* * *

Итакъ, каковы бы ни были поступки человѣка, какова бы ни была линія его поведенія, онъ всегда повинуется, въ своихъ поступкахъ, велѣніямъ своей природы. Какъ самые отталкивающіе поступки, такъ и безразличные и—самые привлекательные—всѣ диктуются въ равной мѣрѣ потребностями индивида. Поступая такъ или иначе, индивидъ дѣйствуетъ въ зависимости отъ того, что предвидитъ наслажденіе въ результатѣ своего поступка или думаетъ избѣжать страданія.

Это—фактъ вполнѣ установленный.

Вотъ, что составляетъ сущность, такъ называемой, теоріи эгоизма.

Теперь вопросъ: далеко ли подвинуло насъ это общее заключеніе?

Да, конечно, подвинуло. Мы завоевали себѣ истину и разрушили предразсудокъ, лежащій въ корнѣ всѣхъ предразсудковъ. Въ этомъ заключеніи совмѣщается вся матеріалистическая философія по отношенію къ человѣку.

Но развѣ изъ него слѣдуетъ то заключеніе, которое пото-

ропились вывести, что всѣ человѣческіе поступки безразличны? Мы сейчасъ разсмотримъ это.

III.

Мы уже видѣли, что всѣ человѣческіе поступки (разумные т. е. сознательные; позже мы будемъ говорить о безсознательныхъ привычкахъ) имѣютъ общее происхожденіе. Поступки, которые называютъ добродѣтельными, точно такъ, какъ и тѣ, которые именуютъ порочными, величіе самоотверженія такъ же, какъ и мелкое полутовство, симпатичные поступки, какъ и отвратительныя дѣянія—вытекаютъ всѣ изъ одного источника. Всѣ они созданы для удовлетворенія природныхъ потребностей человѣка, всѣ—имѣютъ цѣлью стремиться къ наслажденію и избѣгать страданія. Мы видѣли это въ предыдущей главѣ, которая является краткимъ выводомъ изъ массы фактовъ, которые могутъ быть приведены въ доказательство этому.

Понятно, что такое объясненіе вызвало протестующіе вопли тѣхъ, кто оставался проникнутымъ религіозными принципами. Въ этомъ объясненіи сверхъестественному не остается уже мѣста; идея о безсмертіи души здѣсь совершенно покинута. Вѣдь, если человѣкъ въ своихъ поступкахъ повинуется лишь потребностямъ своей природы, если онъ является, такъ сказать, „сознательнымъ автоматомъ", то куда дѣвается безсмертная душа, куда дѣвается безсмертіе—послѣднее убѣжище тѣхъ, которые испытали мало радостей и слишкомъ много страданій и мечтаютъ о вознагражденіи на томъ свѣтѣ? Понятно, что люди, воспитанные на предразсудкахъ, плохо вѣрующіе въ столь часто обманывавшую ихъ науку, руководствующіеся больше чувствомъ, чѣмъ разумомъ,—отвращались отъ того толкованія, которое отнимало у нихъ послѣднюю надежду.

* * *

Но что можно сказать о тѣхъ революціонерахъ, которые, съ начала прошлаго вѣка и до сегодняшняго дня, каждый разъ, какъ услышатъ естественное объясненіе человѣческихъ поступковъ (теорію эгоизма, если хотите), торопятся вывести изъ него то самое заключеніе, которое дѣлаетъ молодой нигилистъ, приведенный въ началѣ этого трактата, что сказать о тѣхъ, которые спѣшатъ съ восклицаніями: „Долой нравственность!"

Что сказать о тѣхъ, которые, убѣдившись въ томъ, что человѣкъ поступаетъ такъ или иначе только для того, чтобы удовлетворить какой нибудь изъ своихъ природныхъ потребностей, спѣшатъ сдѣлать выводъ, что всѣ дѣйствія человѣка являются безразличными, что добра и зла не существуетъ вовсе, что спасти цѣною своей жизни утопающаго или-же утопить его, чтобы завладѣть его часами,—безразлично, что тотъ и другой поступокъ являются актами совершенно тожественными, что мученикъ, умирающій на эшафотѣ за дѣло освобожденія человѣчества, и мелкій плутъ, обворовывающій своихъ товарищей, стоятъ другъ—друга, такъ какъ и тотъ и другой стремится къ достиженію наслажденія?

Еслибы они прибавляли еще, что не можетъ существовать ни хорошаго, ни дурного запаха; ни благоуханія розы, ни зловонія вонючей камеди, потому что какъ то, такъ и другое является лишь колебаніемъ молекулъ, что не существуетъ ни пріятнаго, ни дурнаго вкуса, потому что горечь хинина и сладость гуявы являются также лишь вибраціями молекулъ, что не существуетъ ни красоты, ни физическаго безобразія, ни глупости, ни ума, потому что красота и безобразіе, разумъ и глупость опять таки являются результатомъ химическихъ и физическихъ колебаній, происходящихъ внутри клѣточекъ организма, если бы они прибавляли все это, можно было бы сказать, что они городятъ чепуху, но все же руководятся логикой безумца.

Но такъ какъ они ничего этого не говорятъ, что можно изъ этого вывести?

* * *

Нашъ отвѣтъ совсѣмъ простъ. Мандевилль, который такимъ образомъ трактовалъ объ этомъ вопросъ въ 1724 году въ баснѣ „О пчелахъ“, русскій нигилистъ 60—70 годовъ, любой современный парижскій анархистъ разсуждаютъ такъ потому, что, не отдавая себѣ сами въ томъ отчета, они остаются погрязшими въ предразсудкахъ своего христіанскаго воспитанія. Не смотря на то, что они считаютъ себя анархистами, матеріалистами и атеистами, они разсуждаютъ совершенно такъ же, какъ отцы церкви или основатели будизма.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ эти добрые старички не говорили намъ: поступокъ будетъ хорошимъ въ томъ случаѣ, если

онъ является побѣдою духа надъ плотью, онъ будетъ дурнымъ, если плоть одержала побѣду надъ духомъ, онъ будетъ безразличнымъ, если не побѣдили ни плоть, ни духъ. Это—единственный критерій для оцѣнки хорошихъ и дурныхъ поступковъ. И вотъ, наши молодые друзья принялись повторять вслѣдъ за христіанскими отцами и буддистами: это—единственный критерій для оцѣнки хорошихъ и дурныхъ поступковъ. „Взгляните на животныхъ: у нихъ нѣтъ безсмертной души, они попросту приспособляютъ свои дѣйствія для удовлетворенія природныхъ потребностей, вотъ почему поступки животныхъ не могутъ быть ни хорошими, ни дурными: они всегда безразличны и потому-то животнымъ не уготовано ни рая, ни ада, ни награды, ни наказанія".

А наши друзья снова твердятъ припѣвъ святого Августина и святого Сакіа-Муни, говоря: Человѣкъ не болѣе какъ животное, его дѣйствія приспособляются исключительно къ удовлетворенію его природныхъ потребностей, слѣдовательно, и у людей не можетъ существовать хорошихъ или дурныхъ поступковъ: всѣ они безразличны.

* * *

Всегда эта проклятая идея о наказаніи и возмездіи становится поперекъ дороги разуму. Вѣчно это нелѣпое наслѣдіе религіознаго воспитанія, которое исповѣдуетъ, что поступокъ считается хорошимъ, если онъ вызывается сверхъестественнымъ вдохновеніемъ и—безразличнымъ, когда отсутствуетъ этотъ сверхъестественный мотивъ. Это постоянно—все тотъ же ангелъ на правомъ плечѣ и діаволъ—на лѣвомъ, даже у тѣхъ, кто больше всѣхъ осмѣиваетъ этотъ предразсудокъ. „Изгоните чорта и ангела, и тогда я уже не съумѣю сказать, хорошъ или дуренъ данный поступокъ. такъ какъ у меня нѣтъ другихъ критеріевъ для его оцѣнки", Такъ и чувствуется присутствіе попа, съ его чортомъ и ангеломъ, и весь наружный лоскъ матеріалистическаго ученія является недостаточнымъ для того, чтобы утаить его. А что еще хуже—живъ судья, расточающій удары бичей однимъ и—награды—другимъ, и даже принципы анархизма оказываются недостаточными для искорененія идеи о наградѣ и наказаніи.

* * *

Ну, а мы не хотимъ ни попа, ни судіи и говоримъ просто: „когда вонючая камедь издаетъ зловонье, змѣя жалитъ меня, а лжецъ надуваетъ, то и растеніе и животное, и человѣкъ—всѣ трое повинуются потребностямъ своей природы? Пусть такъ! Ну, а я тоже повинуюсь потребности своей натуры: я ненавижу растеніе, которое издаетъ зловоніе, ненавижу животное, которое убиваетъ своимъ ядомъ, ненавижу человѣка еще болѣе ядовитаго, чѣмъ животное! И я буду поступать въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ, не справляясь ни съ чортомъ, съ которымъ я, между прочимъ, незнакомъ, ни съ судьей, котораго ненавижу гораздо больше, чѣмъ змѣю. Я—и всѣ, кто раздѣляетъ мои антипатіи,—мы всѣ также повинуемся потребностямъ своей природы, и еще вопросъ, на чьей сторонѣ стоитъ разумъ, а слѣдовательно, и сила".

Мы сейчасъ займемся этимъ вопросомъ и тогда намъ станетъ ясно, что если святымъ Августинамъ недоставало другого основанія для различенія добра и зла, то въ мірѣ животныхъ всегда существовало для этого гораздо болѣе прочное основаніе. Животный міръ, начиная съ насѣкомаго и кончая человѣкомъ, прекрасно понимаетъ, что есть добро и зло, не справляясь объ этомъ ни у библіи, ни у философіи. И причина этого опять таки кроется въ потребностяхъ ихъ природы: въ сохраненіи вида, а слѣдовательно, въ наибольшей суммѣ счастія возможнаго для отдѣльнаго индивида.

IV.

Для того, чтобы провести отличительную грань между добромъ и зломъ, ветхозавѣтные теологи, буддисты, христіане и мусульмане, прибѣгали къ божественному вдохновенію. Они отлично понимали, что всякій человѣкъ: дикарь и цивилизованный, безграмотный и ученый, испорченный или добрый и честный человѣкъ всегда отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, поступаетъ-ли онъ хорошо или дурно, въ особенности, если онъ поступаетъ дурно, но, не находя объясненія этому общему факту, они усмотрѣли въ немъ божественное вдохновеніе. Философы-метафизики говорили намъ въ свою очередь о сознаніи, о какомъ-то мистическомъ императивѣ, что, въ сущности, являлось замѣною однихъ словъ другими. Но ни тѣ, ни другіе не сумѣли констатировать того

простого и поразительнаго факта, что животныя, живущія обществами, разбираются въ понятіяхъ „добра“ и „зла“ точно такъ-же хорошо, какъ самъ человѣкъ. Мало того: ихъ понятія о добрѣ и злѣ совершенно однородны съ понятіями человѣка, а у отдѣльныхъ представителей обособленнаго класа—насѣкомыхъ, рыбъ, птицъ, млекопитающихъ—эти понятія даже тожественны.

Мыслители XVIII ст. хорошо это подмѣтили, но съ тѣхъ поръ это наблюденіе было позабыто, и теперь на нашу долю выпала обязанность подчеркнуть огромное значеніе этого факта.

* * *

Форель, неподражаемый изслѣдователь нравовъ муравьевъ, доказалъ цѣлою массою наблюденій и фактовъ, что при встрѣчѣ муравья, плотно набившаго медомъ свое брюшко, съ другимъ муравьемъ, у котораго желудокъ пустъ, этотъ послѣдній немедленно требуетъ у собрата пропитанія. И у этихъ крошечныхъ насѣкомыхъ считается обязательнымъ, чтобы сытый муравей отрыгнулъ свой медъ для того, чтобы имъ могли насытиться, въ свою очередь, голодные товарищи. Справьтесь у муравьевъ, хорошо-ли отказывать въ пищѣ остальнымъ членамъ своего муравейника, когда получивъ уже свою долю ея. Они отвѣтятъ вамъ своими поступками, смыслъ которыхъ очевиденъ, и—отвѣтятъ, что это очень дурно. Къ такому эгоисту—муравью отнесутся гораздо суровѣе, чѣмъ къ непріятелю чуждаго рода. Если-бы это произошло во время битвы муравьевъ двухъ разныхъ видовъ, они прекратили бы борьбу для того, чтобы преслѣдовать эгоиста. Этотъ фактъ доказанъ опытами, не оставляющими никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ.

Или-же, спросите воробьевъ, живущихъ у васъ въ саду, хорошо-ли не оповѣстить все маленькое общество о томъ, что изъ вашего окна выброшено въ садъ нѣсколько крошекъ хлѣба, для того, чтобы всѣ могли принять участіе въ трапезѣ? Спросите ихъ, хорошо-ли поступилъ этотъ воробушекъ, похитившій изъ гнѣзда своего сосѣда собранные имъ клочки соломы, которую подобрать не захотѣлъ дать себѣ труда самъ грабитель? И воробьи отвѣтятъ вамъ, что это очень дурно, дружно набросившись на вора и побивая его клювами.

Спросите также сурковъ, хорошо-ли преграждать доступъ

въ подземныя кладовыя другимъ суркамъ своей колоніи? И они отвѣтятъ вамъ, что это очень дурно, отплачивая всевозможными непріятностями скупцу.

Спросите, наконецъ, первобытнаго человѣка, чукчу напримѣръ, хорошо-ли взять пищу изъ палатки кого нибудь изъ членовъ рода въ его отсутствіе? И онъ отвѣтитъ вамъ, что въ томъ случаѣ, если человѣкъ могъ самъ добыть себѣ пропитаніе, это было бы очень дурно. Но если онъ былъ утомленъ, если терпѣлъ нужду, то имѣлъ право брать свое пропитаніе тамъ, гдѣ находилъ его. Но что въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ оставить въ палаткѣ свою шапку, ножъ или хотя бы обрывокъ веревки, съ затянутымъ на ней узломъ, чтобы отсутствующій охотникъ узналъ, по возвращеніи, что его посѣтилъ товарищъ, а не бродяга.

Такая предосторожность избавила бы хозяина отъ хлопотъ, которыхъ надѣлало бы ему предположеніе о пребываніи вора вблизи его палатки.

Можно было бы привести цѣлыя тысячи аналогичныхъ фактовъ. Можно было бы исписать цѣлыя книги, чтобы показать, что понятія о добрѣ и злѣ у человѣка и животныхъ тожественны.

* * *

Ни муравей, ни птица, ни сурокъ, ни дикій чукча не читали ни Канта, ни святыхъ отцовъ, ни даже Моисея. И однако, у нихъ у всѣхъ представленіе о добрѣ и злѣ одинаковы. И если вы чуточку поразмыслите о томъ, что лежитъ въ основаніи этого понятія, вамъ тотчасъ-же станетъ ясно, что хорошимъ и у муравьевъ, и у сурковъ, и у христіанскихъ или атеистическихъ моралистовъ считается то, что полезно для сохраненія рода, а дурнымъ то, что вредитъ этому. Не то, что полезно или вредно отдѣльному индивиду, какъ утверждали это Бентамъ или Милль, а то, что полезно или вредно цѣлому виду.

Такимъ образомъ, идея добра и зла не имѣетъ ничего общаго съ религіей или мистическимъ сознаніемъ; она является естественной потребностью животной рассы. И когда основатели религій, философы и моралисты, говорятъ намъ о божественной или метафизической сущности, они только пережевываютъ то, что практикуется каждымъ муравьемъ, каждымъ воробьемъ въ

своемъ маленькомъ обществѣ: „полезно-ли это обществу? Въ такомъ случаѣ это хорошо".

— „Вредно-ли это обществу? Въ такомъ случаѣ это дурно".

* * *

Эта идея, быть можетъ ограниченная у низшихъ животныхъ, постепенно расширяется на высшихъ ступеняхъ животнаго царства, но сущность ея остается все-же одной и тою-же. У муравья она не выходитъ изъ предѣловъ муравейника. Всѣ обычаи солидарности, всѣ правила общежитія прилагаются единственно къ отдѣльнымъ особямъ своего муравейника. Необходимо одѣлять пищею изъ своего зоба членовъ собственнаго муравейника, но остальныхъ—ни въ какомъ случаѣ. Сліяніе двухъ муравейниковъ въ одну общую семью можетъ произойти только въ исключительныхъ случаяхъ, когда, напр., бѣдствіе грозитъ имъ обоимъ. Точно также воробьи Люксембургскаго сада, проявляя въ отношеніи другъ друга поразительную солидарность, вступили бы въ ожесточенную битву съ воробьемъ Монжскаго сквера, если-бы этотъ послѣдній осмѣлился залетѣть въ Люксембургскій садъ. Чукча будетъ разсматривать другаго чукчу чуждаго рода, какъ человѣка, къ которому непримѣнимы обычаи его племени. Ему разрѣшается даже продавать предметы (продавать—всегда означаетъ болѣе или менѣе обкрадывать покупателя: кто нибудь изъ двухъ всегда оказывается обманутымъ: продавецъ или покупатель), тогда какъ было бы преступленіемъ продавать что нибудь члену своего рода: имъ даютъ, никогда не считаясь съ ними.

И цивилизованный человѣкъ, уразумѣвъ, наконецъ, тѣсную связь, которая существуетъ между нимъ и послѣднимъ изъ папуасовъ, связь, легко ускользающую на первый взглядъ, распространитъ свои принципы солидарности на весь родъ человѣческій и даже—на царство животныхъ. Идея растетъ, но сущность ея остается всегда одной и тою-же.

Съ другой стороны, понятія о добрѣ и злѣ мѣняются въ зависимости отъ степени интеллигентности и расширенія круга знаній.

Эти понятія не имѣютъ характера непреложности. Первобытный человѣкъ могъ находить, что очень хорошо, т. е. полезно для племени, поѣдать своихъ престарѣлыхъ родителей,

когда они становятся бременемъ (въ сущности очень тяжелымъ) для общины. Онъ могъ находить, что хорошо, т. е. опять таки полезно для общины, избивать новорожденныхъ младенцевъ, оставляя только по-двое или по-трое на каждую семью, чтобы матери имѣли возможность кормить ихъ грудью до трехлѣтняго возраста и вволю ихъ пѣствовать. Теперь появились новыя идеи, да и средства существованія стали уже не тѣми, какими были въ каменномъ вѣкѣ. Цивилизованный человѣкъ находится въ другихъ условіяхъ по сравненію съ семьей дикаря, которой приходилось выбирать изъ двухъ золъ: или поѣдать престарѣлыхъ родителей, или жить впроголодь всѣмъ и оказаться скоро не въ состояніи прокормить ни престарѣлыхъ родителей, ни молодыхъ семей. Надо сумѣть перенестись въ эти эпохи, представленіе о которыхъ намъ съ трудомъ удается вызвать въ своемъ воображеніи, чтобы понять, что при тогдашнихъ условіяхъ разсужденія полудикаго человѣка были довольно правильны. И въ самомъ дѣлѣ: развѣ мы не видимъ, какъ населеніе Океаніи стало дѣлаться жертвою скорбута съ тѣхъ поръ, какъ миссіонеры добились того, чтобы туземцы не поѣдали своихъ родителей и непріятелей. *)

* * *

Мѣняются сужденія, мѣняются понятія о томъ, что полезно и вредно для сохраненія вида, но сущность остается неизмѣнной. И если бы пришло въ голову резюмировать одной фразой всю философію животнаго царства, то оказалось бы, что муравьи, птицы, сурки и люди—всѣ сходятся въ одномъ пунктѣ. Христіане говорятъ: „Не дѣлай ближнему того, чего не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ самому“, и прибавляютъ: „въ противномъ случаѣ тебя препроводятъ въ адъ“.

Мораль, которая выводится изъ изслѣдованія нравовъ царства животныхъ въ его цѣломъ, уже гораздо болѣе высокаго порядка и резюмируется такъ: „Поступай съ другими такъ, какъ ты желалъ-бы, чтобы поступали съ тобой“, и добавляетъ: „запомни хорошенько, что это не болѣе какъ совѣтъ“, но этотъ совѣтъ является плодомъ длиннаго ряда опытовъ надъ обще-

*) Это констатировано Миклухой-Маклаемъ, наблюденія котораго, какъ извѣстно, заслуживаютъ довѣрія.

ственными животными, включая сюда и человѣка. Поступать согласно этому принципу стало уже привычкою. Безъ этого принципа невозможно самое существованіе общества; никакой народъ не былъ бы въ состояніи побѣдить тѣ естественныя препятствія, съ которыми ему приходится бороться.

Вытекаетъ-ли въ дѣйствительности этотъ столь простой принципъ изъ изслѣдованія нравовъ царства общественныхъ животныхъ и человѣческаго общества? Находитъ-ли онъ въ нихъ приложеніе? И какъ онъ, все продолжая развиваться, обращается постепенно въ привычку? Вотъ что мы и постараемся прослѣдить сейчасъ.

V.

У человѣка существуетъ понятіе о добрѣ и злѣ. На какой бы высокой ступени интеллектуальнаго развитія ни стоялъ человѣкъ, или наоборотъ, какъ бы ни были отуманены его идеи предразсудками и эгоистическими интересами, онъ, въ общемъ, считаетъ хорошимъ то, что полезно тому обществу, въ которомъ живетъ, и—дурнымъ то, что вредно этому обществу.

Но откуда берется это умозаключеніе, очень часто до того смутное, что его едва можно отличить отъ эмоціи?

Вотъ, напр., цѣлые милліоны человѣческихъ существъ, которымъ никогда не приходило въ голову размышлять о родѣ человѣческомъ. Ихъ понятія о немъ ограничиваются, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, кланомъ и семьей, рѣже націей, и еще рѣже—родомъ человѣческимъ. Какъ-же могло случиться, что они считаютъ добромъ то, что полезно человѣческому роду и даже достигаютъ чувства солидарности внутри своего клана, вопреки всѣмъ своимъ узко-эгоистическимъ интересамъ.

Этотъ фактъ долго занималъ мыслителей всѣхъ временъ, онъ продолжаетъ занимать ихъ и теперь, ежегодно на эту тему исписываются цѣлыя библіотеки.

Мы, въ свою очередь, изложимъ сейчасъ свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ и отмѣтимъ мимоходомъ, что, если могутъ варіировать толкованія факта, самый фактъ все-же остается неоспоримымъ и, даже въ томъ случаѣ, если наше объясненіе окажется невѣрнымъ или неполнымъ, самый фактъ со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями останется на лицо.

Намъ можетъ быть въ точности неизвѣстнымъ происхожденіе планетъ, которыя вращаются вокругъ солнца,—тѣмъ не менѣе планеты будутъ продолжать вращаться, и одна изъ нихъ увлекаетъ и насъ вмѣстѣ съ собою въ пространство.

* * *

Мы уже говорили объ объясненіи, которое даетъ по этому поводу религія. Человѣкъ отличаетъ добро отъ зла только потому, говорятъ отцы церкви, что Богъ вдохнулъ въ него эти понятія. Человѣку нѣтъ дѣла до того, что полезно или вредно, ему остается лишь повиноваться идеѣ своего творца. Не станемъ останавливаться на этомъ объясненіи, которое является плодомъ страха и невѣжества дикаря. Пойдемъ дальше.

Другіе (подобно Гоббсу) пытались найти объясненіе въ законѣ. По ихъ мнѣнію законъ способствовалъ развитію у человѣка чувства справедливости и несправедливости, добра и зла.

Наши читатели сами сумѣютъ дать надлежащую оцѣнку этому объясненію. Они знаютъ, что законъ попросту воспользовался соціальными инстинктами человѣка для того, чтобы подсунуть ему, вмѣстѣ съ заповѣдями морали, которыя онъ признавалъ, такіе порядки на пользу эксплуатирующаго меньшинства, противъ которыхъ они возставали. Законъ извратилъ чувство справедливости вмѣсто того, чтобы способствовать его развитію. Слѣдовательно, пойдемъ дальше.

Не будемъ также останавливаться на разсужденіяхъ утилитаристовъ. Они утверждаютъ, что человѣкъ поступаетъ нравственно изъ личнаго интереса, и забываютъ о чувствѣ солидарности съ человѣчествомъ, которое все-же существуетъ, какое бы объясненіе ни давалось его происхожденію. Въ ихъ сужденіи зазаключается уже частица правды, но это еще далеко не вся истина, а слѣдовательно, пойдемъ еще дальше.

И всетаки, единственно мыслителямъ XVIII вѣка принадлежитъ хотя бы и частичное открытіе происхожденія источника моральнаго чувства.

Въ своей великолѣпной книгѣ, которую духовенство встрѣтило глубокимъ молчаніемъ и которая, дѣйствительно, мало изизвѣстна даже большинству мыслителей—атеистовъ, Адамъ Смитъ

подошелъ къ разгадкѣ истиннаго происхожденія моральнаго чувства. Онъ не ищетъ его въ религіозномъ или мистическомъ чувствѣ и находитъ его въ простомъ элементѣ сочувствія.

Вы видите, напр., что взрослый бьетъ ребенка. Вы знаете, что побои причиняютъ страданіе ребенку. Воображеніе заставляетъ васъ живо ощущать причиняемое ему зло, или-же его рыданія, выраженіе страданія на его маленькомъ личикѣ громко говорятъ вамъ о нихъ. И если вы не трусъ, вы немедленно броситесь на обидчика, вы отнимите ребенка у этого звѣря.

Уже одного этого примѣра достаточно для объясненія всѣхъ моральныхъ чувствъ. Чѣмъ богаче развито ваше воображеніе, тѣмъ лучше вы можете представить себѣ ощущенія существа, которое заставляютъ страдать, и тѣмъ болѣе интенсивнымъ и утонченнымъ станетъ ваше моральное чувство. Чѣмъ сильнѣе въ васъ развита способность ставить себя на мѣсто другаго индивида, тѣмъ живѣе вы будете чувствовать зло, которое причиняютъ ему, оскорбленіе, которое ему наносятъ, несправедливость, жертвою которой онъ становится и тѣмъ болѣе вы будете склонны противодѣйствовать злу, оскорбленію или несправедливости. И чѣмъ больше вы станете привыкать—въ силу-ли обстоятельствъ, подъ вліяніемъ-ли окружающихъ васъ лицъ или интенсивности собственнаго воображенія и мысли—дѣйствовать въ томъ направленіи, куда васъ толкаетъ воображеніе и мысль, тѣмъ болѣе будетъ расти и крѣпнуть въ васъ это моральное чувство, тѣмъ болѣе будетъ оно пріобрѣтать силу п р и в ы ч к и.

Вотъ какую мысль развиваетъ Смитъ, иллюстрируя ее огромнымъ количествомъ примѣровъ. Онъ былъ молодъ, когда написалъ эту книгу, и она стоитъ неизмѣримо выше его „политической экономіи“, которая является произведеніемъ его старческаго возраста. Свободный отъ всякихъ религіозныхъ предразсудковъ, онъ искалъ объясненія нравственности въ физическихъ явленіяхъ человѣческой природы, и вотъ почему въ теченіе цѣлаго столѣтія духовная и свѣтская поповщина держала эту книгу подъ запретомъ.

Адамъ Смитъ не понялъ—и это было его единственной ошибкой—что элементъ сочувствія, обратившійся въ привычку, существуетъ у животныхъ точно такъ же, какъ и у человѣка.

Не во гнѣвъ будь сказано вульгарнымъ популяризаторамъ

Дарвина, игнонирующимъ въ его сочиненіяхъ все, что не позаимствовано у Мальтуса,—чувство солидарности является преобладающею чертою всѣхъ животныхъ, живущихъ обществами. Правда, орелъ пожираетъ воробья, волкъ истребляетъ сурковъ, но и орлы, и волки помогаютъ другъ-другу во время охоты, а воробьи и сурки такъ солидарны въ своей защитѣ противъ хищниковъ, что только зѣвака попадаетъ въ ихъ когти. Въ любомъ обществѣ животныхъ солидарность является закономъ природы, гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ пресловутая борьба за существованіе, добродѣтель которой воспѣваютъ намъ буржуа на всѣ лады для того, чтобы мы окончательно отупѣли.

Когда мы изучаемъ міръ животныхъ и пытаемся освѣтить себѣ вопросъ о борьбѣ за существованіе, которую ведетъ каждое живое существо противъ неблагопріятныхъ условій среды и своихъ враговъ, мы констатируемъ, что, чѣмъ болѣе развиты принципы равенства и солидарности въ данномъ обществѣ животныхъ, чѣмъ болѣе они вошли у него въ привычку,—тѣмъ больше шансовъ на выживаніе имѣетъ общество, тѣмъ болѣе у него шансовъ выйти торжествующимъ побѣдителемъ въ борьбѣ съ неблагопріятной средой и врагами. Чѣмъ живѣе сознаетъ каждый членъ общества свою солидарность съ другими его членами—тѣмъ болѣе развиваются во всѣхъ членахъ общества два качества, являющіяся главными факторами побѣды и всякаго прогресса—съ одной стороны мужество, а съ другой—свободная индивидуальная иниціатива. Наоборотъ, чѣмъ болѣе утрачивается въ данномъ обществѣ или маленькой группѣ животныхъ это чувство солидарности (что является слѣдствіемъ исключительной скудости или исключительнаго изобилія пищи), тѣмъ болѣе и оба другіе фактора прогресса—мужество и индивидуальная иниціатива—понижаются въ своемъ уровнѣ, въ концѣ-концовъ они изчезаютъ, и доведенное до упадка общество обречено пасть передъ лицомъ врага.

Безъ взаимнаго довѣрія борьба становится невозможной, безъ мужества, безъ иниціативы, безъ солидарности—побѣды не существуетъ. Пораженіе является неминуемымъ.

Мы возвратимся впослѣдствіи къ этому вопросу и сможемъ доказать на множествѣ примѣровъ, что въ мірѣ животныхъ и человѣка законъ солидарности является закономъ прогресса и

что принципъ взаимопомощи, такъ-же какъ и мужество и индивидуальная иниціатива, изъ него проистекающія, обезпечиваютъ побѣду тому изъ видовъ, который лучше научился примѣнять ихъ. Сейчасъ-же, намъ достаточно констатировать этотъ фактъ. Читателю будетъ самому понятна важность его значенія для занимающаго насъ вопроса.

* *
*

Теперь представьте себѣ это чувство солидарности дѣйствующимъ въ теченіе милліоновъ смѣняющихся вѣковъ, начиная съ первыхъ зародышей животной жизни на земномъ шарѣ. Представьте себѣ, какъ это чувство мало по малу превращалось въ привычку и передавалось, въ силу наслѣдственности, отъ простѣйшихъ, микроскопическихъ организмовъ на восходящія ступени потомковъ—насѣкомымъ, птицамъ, премыкающимся, млекопитающимъ и человѣку,—представьте себѣ это, и вы поймете происхожденіе моральнаго чувства, которое составляетъ такую-же необходимость для животнаго, какъ пища или органъ, который ее перевариваетъ.

Вотъ, не спускаясь еще ниже по ступенямъ животнаго царства (такъ какъ намъ пришлось бы говорить о сложныхъ организмахъ, состоящихъ изъ цѣлыхъ колоній крошечныхъ простѣйшихъ организмовъ), источникъ происхожденія моральнаго чувства. Мы вынуждены были быть чрезвычайно краткими для того, чтобы помѣстить этотъ обширный вопросъ на пространствѣ нѣсколькихъ страничекъ, но и этого уже достаточно для того, чтобы показать, что въ немъ нѣтъ ничего мистическаго и сентиментальнаго. Безъ этой солидарности индивида и вида, животный міръ не могъ бы ни развиваться, ни совершенствоваться. Самымъ совершеннымъ существомъ на землѣ былъ бы теперь тотъ кусочекъ протоплазмы, который плаваетъ въ водѣ и виденъ только въ микроскопъ. Да еще и существовалъ-ли бы онъ, такъ какъ и первичные аггрегаты клѣточекъ являются уже фактомъ ассоціаціи въ борьбѣ?

VI.

Итакъ, мы видимъ, что, наблюдая общества животныхъ—не въ роли заинтересованныхъ буржуа, а въ качествѣ простыхъ ра-

зумныхъ изслѣдователей, мы должны констатировать, что принципъ: „Поступай въ отношеніи другихъ такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы и другіе поступали съ тобой въ аналогичныхъ случаяхъ"—встрѣчается всюду, гдѣ только существуетъ общество.

А когда подробнѣе изучаешь развитіе или эволюцію животнаго міра, то открываешь (вмѣстѣ съ зоологомъ Кесслеромъ и экономистомъ Чернышевскимъ), что этотъ принципъ, который выражается словомъ „Солидарность", сыгралъ въ развитіи животнаго царства гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ какая бы то ни была приспособляемость, которая могла явиться результатомъ борьбы изъ за личной выгоды между отдѣльными особями.

Очевидно, что принципъ солидарности практикуется еще чаще въ человѣческихъ обществахъ.

Уже общества тѣхъ обезьянъ, которыя стоятъ на высшей ступени лѣстницы животныхъ, представляютъ намъ поразительный примѣръ примѣненія на практикѣ принципа солидарности. Человѣкъ дѣлаетъ еще шагъ на этомъ пути, и только одно это позволяетъ ему предохранить свой жалкій радъ отъ всѣхъ неблагопріятныхъ условій враждебной среды и развить свои умственныя способности.

При изученіи тѣхъ первобытныхъ обществъ, которыя находятся еще до сихъ поръ на уровнѣ развитія каменнаго вѣка, оказывается, что въ ихъ маленькихъ общинахъ принципъ солидарности практикуется въ самой высокой степени по отношенію ко всѣмъ членамъ общины.

* * *

Вотъ почему чувство солидарности и примѣненіе его на практикѣ никогда не исчезаетъ, даже въ самыя мрачныя историческія эпохи. Даже при наступленіи преходящихъ періодовъ тиранiи, рабства, эксплуатаціи, отвергавшихъ этотъ принципъ, онъ всетаки господствовалъ всегда въ идеяхъ огромнаго большинства и коренился такъ глубоко, что вызывалъ взрывъ противъ неудовлетворительнаго режима, вызывалъ революцію. Это вполнѣ понятно: не будь этого, общество было бы обречено на гибель.

У огромнаго большинства животныхъ и людей это чувство остается и должно оставаться въ видѣ пріобрѣтенной привычки,

—принципа, который всегда находится на лицо даже тогда, когда мы не сознаемъ его въ своихъ поступкахъ. Въ насъ говоритъ вся эволюція животнаго царства въ ея цѣломъ. А вѣдь она очень, очень стара и насчитываетъ себѣ сотни милліоновъ лѣтъ.

Даже въ томъ случаѣ, если-бы мы захотѣли сбросить ее съ своихъ плечъ, это оказалось бы невозможнымъ. Человѣку легче пріучиться ползать на четверенькахъ, чѣмъ отдѣлаться отъ моральнаго чувства. Въ исторіи эволюціи животной жизни оно предшествовало вертикальному положенію человѣка на двухъ ногахъ.

Моральное чувство является у насъ прирожденной способностью совершенно такъ-же, какъ чувство обонянія или осязанія.

* * *

Что же касается Закона и Религіи, которые сами тоже проповѣдывали этотъ принципъ,—мы хорошо знаемъ, что они замошенничали его для прикрытія своего товара—предписаній, разсчитанныхъ на пользу побѣдителя, эксплуататора и попа. Безъ этого принципа солидарности, справедливость котораго является общепризнанной, какъ смогли бы они оказывать вліяніе на умы?

И религія и законъ прикрывались этимъ принципомъ совершенно такъ-же, какъ и власть, которой тоже удалось навязать свой авторитетъ, позируя въ роли покровительницы слабаго противъ сильнаго.

Выбрасывая за-бортъ Законъ, Религію и Власть, человѣчество снова овладѣваетъ моральнымъ принципомъ, который допустило было похитить у себя и подвергаетъ его критикѣ, очищаетъ отъ фальсификаціи, которою священникъ, судья и правитель отравляли и еще продолжаютъ отравлять его.

Но отвергать моральный принципъ изъ-за того, что Церковь и Законъ примѣняли его, было-бы такъ-же неразумно, какъ объявить, что мы не будемъ мыться, будемъ употреблять въ пищу свинину, зараженную трихинами, и отрицать коммунистическую собственность на землю изъ-за того, что Коранъ предписываетъ ежедневныя омовенія, гигіенистъ Моисей запрещаетъ евреямъ употребленіе свинины, или—Шаріа (дополненіе къ Корану) требуетъ, чтобы вся земля, остающаяся необработанною въ теченіе трехъ лѣтъ, возвращалась во владѣніе общины.

Къ тому-же, развѣ принципъ, повелѣвающій поступать съ другими такъ, какъ самъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, является по своей сущности не тѣмъ-же принципомъ равенства, лежащимъвъ основѣ анархизма? И какъ можно мы считать себя чтобы анархистомъ, не проводя принципа анархизма въ жизнь?

Мы не хотимъ надъ собою власти, но развѣ тѣмъ самымъ не заявляемъ, что и сами не желаемъ ни надъ кѣмъ властвовать? Мы не хотимъ, чтобы насъ обманывали, мы хотимъ, чтобы намъ всегда говорили одну только правду. Но развѣ тѣмъ самымъ мы не заявляемъ, что и сами не желаемъ никого обманывать и беремъ на себя обязательство всегда говорить правду, одну только правду и притомъ всю правду? Мы не хотимъ, чтобы у насъ похищали плоды нашего труда. Но развѣ тѣмъ самымъ мы не заявляемъ о своемъ уваженіи къ неприкосновенности продукта чужого труда?

И въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи мы можемъ требовать къ себѣ одного отношенія, оставляя однако-же за собой право совершенно иначе относиться къ другимъ?

Ужъ не являемся-ли мы по какой нибудь странной случайности тою „бѣлой костью“ киргизовъ, которая имѣетъ право обращаться съ другими, какъ ей вздумается? При этой мысли въ насъ громко протестуетъ самое примитивное чувство равенства. Равенство во взаимныхъ отношеніяхъ и вытекающая отсюда солидарность—самое могущественное оружіе животнаго царства въ борьбѣ за существованіе. Равенство—это справедливость. Объявляя себя анархистами, мы провозглашаемъ заранѣе, что отказываемся поступать съ другими не такъ, какъ хотѣли бы, чтобы поступали съ нами, заявляемъ, что не потерпимъ неравенства, которое даетъ нѣкоторымъ изъ насъ возможность пускать въ ходъ свою силу, хитрость или ловкость въ направленіи, которому мы сами не сочувствуемъ. А вѣдь всеобщее равенство, являющееся синонимомъ справедливости, составляетъ сущность анархизма. Къ чорту бѣлую кость, которая присваиваетъ себѣ право надувать довѣрчиваго ближняго. Мы не хотимъ ея—и уничтожимъ при случаѣ. Мы объявляемъ войну не одной только отвлеченной Троицѣ—въ лицѣ Закона, Религіи и Власти. Мы объявляемъ войну всему потоку лжи, хитрости, эксплуатаціи, разврата, пороковъ—словомъ, неравенству, которымъ онъ переполнилъ всѣ

сердца. Мы объявляемъ войну всему ихъ поведенію, всему ихъ мышленію. Подданный, обманутый, эксплуатируемый, проститутка и т. д. оскорбляютъ въ насъ прежде всего чувство справедливости, и мы не хотимъ болѣе ни проститутокъ, ни эксплуатируемыхъ, ни обманутыхъ, ни вѣрноподданныхъ.

* * *

Намъ, быть можетъ, замѣтятъ,—по крайней мѣрѣ это уже повторялось не разъ:—„Но если вы полагаете, что нужно всегда поступать въ отношеніи другихъ такъ, какъ вы хотѣли бы, чтобы поступали съ вами, по какому праву можете вы прибѣгать къ силѣ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ? По какому праву вы направляете пушки на цивилизованныхъ или варваровъ, которые дѣлаютъ нашествіе на вашу страну? По какому праву можете вы экспропріировать эксплуататора? По какому праву можно убиватьне только тирана, но хотя бы даже ядовитую змѣю??“

По какому праву? А что вы понимаете подъ этимъ страннымъ терминомъ, который позаимствованъ у Закона? Задаетесь-ли вы вопросомъ о томъ, существуетъ-ли въ васъ сознаніе, что вашъ поступокъ хорошъ, когда совершаете его, или считаютъ-ли его хорошимъ тѣ, кого вы уважаете? Если вы интересуетесь именно этимъ вопросомъ, въ такомъ случаѣ нашъ отвѣтъ будетъ очень простымъ.

Да, разумѣется, мы имѣемъ право прибѣгать къ силѣ, такъ какъ сами требуемъ, чтобы насъ убивали, какъ ядовитыхъ животныхъ, если мы предпримемъ нашествіе на Тонкинъ или страну Зулусовъ, которые никогда не причинили намъ ни малѣйшаго зла: „Убей меня, если я когда нибудь стану въ ряды сторонниковъ нашествія“, говоримъ мы своимъ сыновьямъ, своимъ товарищамъ. Да, разумѣется, потому что мы требуемъ, чтобы насъ экспропріировали,—насъ самихъ,—если мы когда нибудь, измѣнивъ своимъ принципамъ, завладѣемъ наслѣдствомъ—хотя бы оно свалилось намъ съ неба—для того, чтобы эксплуатировать ближняго.

Да, разумѣется, потому что всякій благородный человѣкъ заранѣе потребуетъ, чтобы его убили, если онъ превратится когда нибудь въ гадюку,—потребуетъ, чтобы ему вонзили въ

сердце кинжалъ, если онъ станетъ на мѣсто свергнутаго съ своего трона тирана.

* * *

На сотню человѣкъ, у которыхъ есть жены и дѣти, можно насчитать девяносто такихъ, которые, сознавая приближеніе безумія (т. е потери контроля сознанія надъ поступками), будутъ дѣлать попытки къ самоубійству изъ боязни причинить зло тѣмъ, кого любятъ. Благородный человѣкъ готовъ тотчасъ-же умереть, какъ только почувствуетъ, что становится опаснымъ для тѣхъ, кого любитъ, прежде чѣмъ эта опасность осуществится.

Однажды, въ Иркутскѣ, польскаго врача и фотографа укусила бѣшенная собака.

Фотографъ прижегъ свою рану раскаленнымъ желѣзомъ, докторъ ограничился для той-же операціи ѣдкимъ составомъ; онъ былъ молодъ, хорошъ и полонъ жизни, онъ только что отбылъ каторгу, къ которой былъ приговоренъ правительствомъ за самоотверженное служеніе дѣлу народа; сильный своимъ знаніемъ и умомъ, онъ дѣлалъ чудеса исцѣленія; больные обожали его. Шесть недѣль спустя, онъ замѣчаетъ, что укушенная рука начинаетъ пухнуть. Для врача ошибки тутъ быть не могло: это было наступленіе бѣшенства. Онъ бѣжитъ къ товарищу такому же врачу и изгнаннику, каковъ былъ самъ.—„Скорѣе стрихнину, умоляю тебя: ты видишь эту руку, ты понимаешь, что это значитъ? Черезъ какой нибудь часъ, или того меньше, наступитъ припадокъ бѣшенства, я буду пытаться укусить тебя и друзей; время не терпитъ, скорѣе стрихнину: надо умирать".

Чувствуя, что превращается въ ядовитую змѣю, онъ требовалъ, чтобы его убили.

Товарищъ колебался: ему захотѣлось испробовать леченіе противъ бѣшенства. Вдвоемъ съ одной мужественной женщиной, они стали ухаживать за нимъ и... два часа спустя, врачъ, съ пѣною у рта, бросался чтобы укусить ихъ, затѣмъ онъ приходилъ въ себя, требовалъ стрихнину и—снова впадалъ въ бѣшенство. Онъ умеръ въ ужасныхъ судорогахъ. И сколько подобныхъ фактовъ, провѣренныхъ нашими изслѣдованіями, могли бы мы привести еще! Благородный человѣкъ предпочитаетъ лучше умереть, чѣмъ стать причиной страданій другого. Вотъ откуда

у него является сознаніе, что онъ поступаетъ хорошо—и одобреніе тѣхъ, кого онъ уважаетъ, подтверждаетъ ему это—когда убиваетъ ядовитую змѣю или тирана.

* * *

Перовская и ея товарищи убили русскаго царя, и все человѣчество, не смотря на отвращеніе къ кровопролитію, не смотря на симпатію къ тому, кто освободилъ своихъ крестьянъ, признало, что они имѣли право на этотъ поступокъ.

Почему? Не потому, чтобы этотъ актъ былъ признанъ полезнымъ: три четверти человѣчества еще сомнѣвается въ этомъ, но потому, что каждый чувствовалъ, что Перовская и ея товарищи ни за какія сокровища міра не согласились бы стать въ свою очередь тиранами. Даже тѣ, которымъ неизвѣстна эта драма въ ея цѣломъ, тѣмъ не менѣе убѣждены, что въ этомъ поступкѣ сказалось не удальство молодыхъ людей, не попытка къ дворцовому перевороту, или стремленіе къ власти, а ненависть къ тираніи, ненависть, доходящая до самоотверженія и смерти. „Эти люди", говорятъ про нихъ, „завоевали себѣ право убивать", какъ говорятъ о Луизѣ Мишель: „Она имѣла право грабить" или еще—„они имѣли право воровать", когда упоминаютъ о террористахъ, которые, питаясь сами сухимъ хлѣбомъ, украли цѣлый милліонъ или даже два въ Херсонскомъ казначействѣ, принимая при этомъ, съ рискомъ собственной гибели, всѣ предосторожности для того, чтобы снять отвѣтственность съ часоваго, который съ заряженнымъ ружьемъ, стоялъ на часахъ у кассы.

Человѣчество никогда не отрицаетъ права пускать въ ходъ силу—будь-то на баррикадахъ или глухомъ перекресткѣ—тѣхъ людей, которые *уже завоевали себѣ это право*. Но для того, чтобы подобные поступки могли оказывать глубокое вліяніе на умы, необходимо завоевывать себѣ это право. Иначе, поступокъ, какъ полезный, такъ и вредный, будетъ лишь просто актомъ грубости, не имѣющимъ никакого значенія для идейнаго прогресса. Его будутъ разсматривать, какъ простое перемѣщеніе силы, простой подмѣнъ одного эксплуататора другимъ.

VII.

До сихъ поръ мы говорили о сознательныхъ дѣйствіяхъ.

человѣка (такихъ, которые онъ совершаетъ, отдавая въ нихъ себѣ отчетъ). Но на ряду съ сознательной жизнью, течетъ и несравненно болѣе обширная—безсознательная жизнь, которую нѣкогда слишкомъ часто игнорировали.

А между тѣмъ, достаточно приглядѣться къ собственной манерѣ одѣваться по утрамъ, когда мы дѣлаемъ попытки застегнуть завѣдомо потерянную наканунѣ пуговицу, или протягиваемъ руку, чтобы взять предметъ, который сами-же переложили на другое мѣсто, достаточно сдѣлать эти наблюденія, чтобы получить представленіе объ этой безсознательной жизни и понять огромную роль, которую она играетъ въ нашемъ существованіи.

Наши отношенія къ другимъ людямъ на три четверти слагаются изъ безсознательныхъ дѣйствій.

У каждаго своя манера говорить, улыбаться, хмуриться, горячиться или оставаться спокойнымъ во время спора, и всѣ эти дѣйствія мы совершаемъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, въ силу простой привычки, унаслѣдованной отъ нашихъ человѣческихъ или до-человѣческихъ предковъ (обратите только вниманіе на сходство выраженія лица человѣка и животнаго, когда тотъ и другой сердится) или—пріобрѣтенной сознательнымъ и безсознательнымъ путемъ.

Наше поведеніе по отношенію къ окружающимъ обращается такимъ образомъ, въ привычку. И человѣкъ, который пріобрѣтетъ наибольшее, количество хорошихъ привычекъ, будетъ, конечно, гораздо болѣе совершеннымъ нежели тотъ добрый христіанинъ, который увѣряетъ, что только діаволъ всегда толкаетъ его на сотвореніе зла и который способенъ воздержаться отъ него, лишь взывая къ мукамъ ада или блаженству рая.

Поступать въ отношеніи другихъ такъ, какъ хотѣлось бы, чтобы поступали съ тобой—переходитъ у людей и у всѣхъ общественныхъ животныхъ въ простую привычку, такъ что обыкновенно человѣкъ и не задается вопросомъ, какъ онъ долженъ поступить въ данномъ случаѣ, а поступаетъ хорошо или дурно, не размышляя. И только въ исключительныхъ случаяхъ, когда обстоятельства являются очень сложными или одолѣваетъ безумная страсть, человѣкъ начинаетъ колебаться, и отдѣльныя клѣточки его мозга (чрезвычайно сложный органъ, отдѣльныя части котораго функціонируютъ съ нѣкоторой долей самостоя-

тельности) вступаютъ между собою въ борьбу. Тогда онъ мысленно ставитъ себя на мѣсто того, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ задается вопросомъ, хотѣлъ-ли бы онъ, чтобы съ нимъ поступили даннымъ образомъ?—и его рѣшеніе будетъ тѣмъ болѣе моральнымъ, чѣмъ въ большей степени ему удается отожествить себя съ лицомъ, достоинство или интересы котораго онъ готовъ былъ попрать. Или въ дѣло вмѣшивается товарищъ и говоритъ ему: Поставь себя на его мѣсто. Развѣ ты допустилъ бы, чтобы онъ обошелся съ тобою такъ, какъ ты только что поступилъ съ нимъ?—И этого оказывается совершенно достаточнымъ.

Итакъ, обращаться къ принципу равенства приходится только въ минуту сомнѣнія, тогда какъ въ 99 случаяхъ изъ ста мы поступаемъ нравственно въ силу привычки.

* * *

Вы, безъ сомнѣнія, замѣтили, что во всемъ томъ, о чемъ мы говорили до сихъ поръ, мы не старались ничего предписывать, а просто описывали, какъ происходятъ вещи въ мірѣ животныхъ и у людей.

Въ былыя времена Церковь угрожала муками ада, чтобы морализировать людей; всѣмъ хорошо извѣстно, какъ она успѣвала въ этомъ: она ихъ деморализировала. Судья угрожаетъ неволей, плетьми, висѣлицей, и все это во имя тѣхъ-же принциповъ общественности, которые онъ замошенничалъ у общества, и, такимъ образомъ, развращаетъ его. А авторитеты всевозможныхъ оттѣнковъ вопятъ о гибели общества при одной мысли о томъ, что судья можетъ исчезнуть съ лица земли въ одно время со священникомъ.

Что-же касается насъ, то мы не боимся отринуть судью и приговоры. Мы, вмѣстѣ съ Гюйо, даже отрицаемъ всякую санкцію, всякаго рода принудительность морали. „Дѣлай, что хочешь, дѣлай, какъ хочешь“, потому что мы убѣждены, что огромное количество людей, по мѣрѣ того какъ они будутъ становиться просвѣщеннѣе и отдѣлываться отъ путъ нашей современности, будутъ поступать и дѣйствовать всегда въ опредѣленномъ направленіи: на пользу обществу,—точно такъ-же, какъ мы убѣждены заранѣе, что ребенокъ научится когда нибудь ходить на двухъ ногахъ, а не ползать на четверенькахъ, только потому, что онъ

происходитъ отъ родителей принадлежащихъ къ породѣ Человѣка.

Единственно, что мы можемъ сдѣлать—дать совѣтъ и, все-таки, давая его, мы оговариваемся: „Этотъ совѣтъ окажется цѣннымъ лишь постольку, поскольку ты самъ убѣдишься на опытѣ и наблюденіяхъ, что слѣдовать ему полезно".

Когда мы видимъ, что молодой человѣкъ гнетъ спину, сдавливая себѣ такимъ образомъ грудь и легкія, мы совѣтуемъ ему выпрямиться, держать высоко голову и широко выставлять грудь. Мы ему совѣтуемъ вдыхать воздухъ полною грудью, чтобы расширить легкія, потому что это лучшее предохранительное средство отъ чахотки. Но въ то-же время мы преподаемъ ему физіологію, чтобы онъ ознакомился самъ съ функціей легкихъ и самъ избралъ ту манеру держаться, которую найдетъ наилучшей.

Вотъ рѣшительно все, что мы въ состояніи сдѣлать въ области нравственности. Мы имѣемъ право дать только совѣтъ, къ которому обязаны прибавить: „Слѣдуй ему, если считаешь его хорошимъ".

Но оставляя, за каждымъ право поступать, какъ ему заблагоразсудится, абсолютно отрицая за обществомъ право наказывать кого бы то ни было, какимъ бы то ни было образомъ за какой бы то ни было анти-общественный поступокъ, который онъ совершилъ, мы не отказываемся отъ способности любить то, что считаемъ хорошимъ и—ненавидѣть то, что считаемъ дурнымъ. Любить и ненавидѣть такъ, какъ только тотъ умѣетъ любить, кто умѣетъ ненавидѣть. Мы оставляемъ за собою это право, такъ какъ одного этого принципа совершенно достаточно для того, чтобы поддерживалось и развивалось моральное чувство каждаго общества животныхъ, и тѣмъ болѣе окажется достаточнымъ для поддержки и развитія нравственнаго чувства рода человѣческаго.

Мы требуемъ только одного: уничтоженія въ современномъ обществѣ всего того, что препятствуетъ свободному развитію этихъ двухъ чувствъ, всего, что увлекаетъ наше сужденіе на ложный путь:

Государства, Церкви, эксплуатаціи судьи, священника, правительства и эксплуататора.

Теперь, при видѣ какого нибудь Джека-потрошителя, ко-

торый умерщвляетъ одну за другой цѣлый десятокъ жалкихъ, бѣдныхъ женщинъ, которыя въ нравственномъ отношеніи стоятъ выше добрыхъ трехъ четвертей женщинъ буржуазіи,—нашимъ первымъ движеніемъ является чувство ненависти.

Если бы мы встрѣтились съ нимъ тогда, когда онъ зарѣзалъ женщину, которая требовала съ него шесть су въ уплату за ночлегъ, мы уложили бы его пулею на мѣстѣ, не разсуждая о томъ, что эта пуля оказалась бы скорѣе на своемъ мѣстѣ, если бы попала въ голову собственника лачуги.

Но когда мы припомнимъ всѣ подлости, которыя довели его до этихъ убійствъ, когда представимъ себѣ тотъ мракъ, въ которомъ онъ блуждаетъ, преслѣдуемый образами, которые почерпнулъ изъ отвратительныхъ книгъ или идеями, которыя нашептаны ему глупыми сочиненіями,—наше чувство раздваивается. И въ тотъ день, когда мы узнаемъ, что Джекъ попалъ въ руки судьи, который самъ хладнокровно погубилъ во сто разъ большее количество человѣческихъ жизней: мужчинъ, женщинъ, дѣтей, чѣмъ всѣ Джеки взятые вмѣстѣ, когда мы узнаемъ, что онъ попалъ въ руки этихъ холодныхъ маніаковъ, которые ссылаютъ въ каторгу Борассовъ для того, чтобы показать буржуазіи, что стоятъ на стражѣ ея интересовъ —тогда вся наша ненависть къ Джеку-потрошителю пропадаетъ и получаетъ иное направленіе. Она переносится на лицемѣрное и трусливое общество, на его общепризнанныхъ представителей.

Всѣ подлости какого нибудь потрошителя стушевываются передъ лицомъ многовѣковой серіи подлостей, совершенныхъ именемъ Закона. Его то мы и начинаемъ ненавидѣть.

Теперь наше чувство постоянно раздваивается. Мы понимаемъ, что являемся всѣ болѣе или менѣе, вольно или невольно,—сообщниками этого общества. Мы не имѣемъ болѣе права ненавидѣть. Имѣемъ-ли мы даже право любить? Въ обществѣ, построенномъ на эксплуатаціи и рабствѣ, человѣческая натура развращается.

Но по мѣрѣ исчезновенія рабства, мы будемъ понемногу возстановлять свои права. Мы снова обрѣтемъ силу любить и ненавидѣть, даже въ такихъ сложныхъ случаяхъ, какъ тотъ, который нами только что приведенъ сейчасъ.

* * *

Ложь, грубость и т. п. отталкиваютъ насъ не потому, что осуждаются моральными кодексами—мы игнорируемъ эти кодексы—а потому, что ложь, грубость и т. п. оскорбляютъ чувство равенства того человѣка, для котораго равенство не является пустымъ звукомъ; онѣ возмущаютъ въ особенности того, кто является настоящимъ анархистомъ по своему образу мыслей и дѣйствій.

* * *

Но уже одного этого столь простого, естественнаго и очевиднаго принципа—если-бы только онъ всегда примѣнялся въ жизни—было бы достаточно для созданія очень возвышенной нравственности, обнимающей все то, чему имѣли претензію научить насъ моралисты.

Принципъ равенства резюмируетъ собой всѣ ученія моралистовъ. Но въ немъ содержится еще нѣчто большее. И этимъ нѣчто является уваженіе къ личности. Провозглашая свои анархическіе принципы равенства, мы отказываемся присваивать себѣ право, которое мнили за собой моралисты,—право уродовать личность во имя того или другаго идеала, который они считали хорошимъ. Мы не признаемъ ни за кѣмъ такого права, не желаемъ его и для себя.

Мы признаемъ неограниченную и полную свободу личности; мы желаемъ для нея полноты существованія и свободнаго развитія всѣхъ ея качествъ. Мы не хотимъ ничего навязывать ей и возвращаемся такимъ образомъ къ принципу, который Фурье противополагалъ религіозной морали, говоря: „Дайте человѣку абсолютную свободу, не уродуйте его, это сдѣлано уже въ достаточной мѣрѣ религіей. Не бойтесь даже его страстей. Въ свободномъ обществѣ они не будутъ представлять никакой опасности.

„Только бы вы сами не отрекались отъ своей свободы, только бы не позволяли другимъ порабощать себя, только бы противопоставляли сильной антисаціальной страсти той или другой личности—свое собственное, въ такой-же степени интенсивное, соціальное чувство“.

Что же касается нашей повседневной жизни, мы уже теперь предоставляемъ свободное теченіе нашимъ чувствамъ симпатіи или антипатіи, и практикуемъ это въ каждый данный моментъ. Всѣ мы уважаемъ нравственную силу, всѣ презираемъ нравственную слабость, безсиліе, подлость. Своими словами, взглядами, улыбками мы ежеминутно выражаемъ свое удовольствіе по поводу полезныхъ для общества поступковъ тѣхъ людей, которыхъ считаемъ хорошими. На каждомъ шагу мы выражаемъ своими взглядами и словами отвращеніе, которое вызываютъ въ насъ подлость, надувательство, интриги, недостатокъ нравственнаго мужества. Мы не можемъ скрыть своего отвращенія даже въ томъ случаѣ, когда, подъ вліяніемъ свѣтскаго т. е. лицемѣрнаго воспитанія, пытаемся еще скрыть это отвращеніе подъ обманчивою внѣшностью, которая осуждена на исчезнованіе по мѣрѣ того, какъ будетъ устанавливаться равенство въ отношеніяхъ между людьми.

* * *

И уже одного этого достаточно для того, чтобы удержать на извѣстной высотѣ уровень сужденія о добрѣ и злѣ и сообщать его другъ другу; этого окажется тѣмъ болѣе достаточнымъ, когда въ обществѣ не будетъ больше ни священника, ни судьи,— это будетъ тѣмъ легче, что моральные принципы потеряютъ характеръ принудительности и будутъ разсматриваться просто какъ естественныя отношенія равныхъ между собою людей.

А между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ устанавливаются эти отношенія, въ обществѣ нарождаются моральныя понятія высшаго порядка, къ анализу которыхъ мы и приступимъ сейчасъ.

VIII.

До сихъ поръ, въ своемъ анализѣ мы излагали только простые принципы равенства. Мы протестовали, призывали къ протесту и другихъ противъ тѣхъ, кто присваиваетъ себѣ право поступать съ другими такъ, какъ вовсе не пожелалъ бы, чтобы поступали съ нимъ самимъ; мы возмущались противъ тѣхъ, которые не желаютъ, чтобы ихъ обманывали, эксплуатировали, подвергали грубому обращенію, проституировали, а сами позволяютъ себѣ въ отношеніи другихъ такіе поступки.

Тогда свобода ничѣмъ не будетъ угрожать вамъ *).

Мы отказываемся уродовать личность во имя какого-бы то ни было идеала: мы оставляемъ за собою только право откровенно высказывать свои симпатіи и антипатіи къ тому, что считаемъ хорошимъ или дурнымъ. Когда то или другое лицо надуваетъ своихъ товарищей, то въ этомъ поступкѣ проявляется его воля, его характеръ? Пусть такъ. Ну, а нашъ характеръ, наша воля заставляютъ насъ презирать обманщика. А если у насъ такой характеръ, будемъ поступать открыто: не будемъ кидаться ему на встрѣчу, чтобы прижать его къ груди (sur notre gilet) и привѣтливо пожать ему руку, какъ это дѣлается теперь. Противопоставимъ его активному чувству, свое собственное, въ такой же мѣрѣ активное и сильное чувство.

Вотъ все, что мы имѣемъ право и обязанность сдѣлать для того, чтобы поддерживать въ обществѣ принципъ равенства. Это опять таки является случаемъ проведенія этого принципа въ жизнь **).

Все это вполнѣ осуществится, конечно, только тогда, когда самыя серьезныя причины порчи нравовъ: капитализмъ, религія, судъ, правительство уже прекратятъ свое существованіе. Но въ значительной мѣрѣ это является осуществимымъ уже и теперь. И оно осуществляется.

* * *

А между тѣмъ, еслибы обществу ничего другого кромѣ принципа равенства не было извѣстно, еслибы каждый, придер-

---

*) Изъ всѣхъ современныхъ авторовъ лучше всѣхъ формулировалъ эти идеи въ своихъ драмахъ норвежецъ Ибсенъ, которымъ скоро будутъ такъ-же страстно зачитываться во Франціи, какъ зачитываются уже въ Англіи. Вотъ еще человѣкъ, который, помимо своего вѣдома, оказывается анархистомъ.

**) Мы уже слышимъ возраженія: „А убійца, а тотъ, кто развращаетъ дѣтей?“ На это у насъ есть очень простой отвѣтъ: „Преступникъ, который убиваетъ только потому, что въ немъ говоритъ жажда крови, представляетъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Это больной, котораго надо лечить и избѣгать. Что же касается развратниковъ, позаботимся сначала о томъ, чтобы общество не развращало чувства нашихъ дѣтей и тогда намъ совсѣмъ нечего будетъ бояться этихъ господъ».

живаясь меркантильныхъ понятій о справедливости, остерегался на каждомъ шагу давать хоть малѣйшій излишекъ противъ того, что получаетъ самъ,—это было бы смертью для общества. Даже самый принципъ равенства исчезъ бы изъ нашихъ отношеній, такъ какъ для того, чтобы поддерживать его, необходимо, чтобы въ жизни проявилось нѣчто гораздо болѣе возвышенное, сильное и прекрасное, чѣмъ простая справедливость.

И это нѣчто проявляется.

До сихъ поръ человѣчество никогда не испытывало недостатка въ тѣхъ великихъ сердцахъ, переполненныхъ волею, умомъ и любовью, которыя отдаютъ всѣ силы своего ума, всю активность, всю жизнь на служеніе роду человѣческому, не требуя себѣ ничего взамѣнъ.

Эта плодовитость мысли, чувства и воли проявляется во всевозможныхъ формахъ. Вотъ, страстный изслѣдователь истины, который отказывается отъ всѣхъ радостей жизни, чтобы отдаться поискамъ того, что онъ считаетъ истиною и справедливостью, вопреки утвержденіямъ окружающихъ его невѣждъ. Вотъ, изобрѣтатель, который живетъ лишь сегодняшнимъ днемъ, забываетъ о пищѣ и едва прикасается къ хлѣбу, который заставляетъ его проглатывать, какъ ребенка, преданная ему женщина, въ то время, какъ онъ самъ работаетъ надъ своимъ изобрѣтеніемъ, которому предназначено, по его мнѣнію, перевернуть цѣлый міръ. Вотъ, страстный революціонеръ, которому наслажденіе искусствами, науками и радостями семейной жизни кажутся горькими до тѣхъ поръ, пока они не раздѣляются всѣми людьми, и который работаетъ, не смотря на свою бѣдность и преслѣдованія. Вотъ, юный мальчикъ, который, при описаніи всѣхъ ужасовъ войны, повѣрилъ на слово патріотическимъ легендамъ, которыя ему нашептывали, и записался въ отрядъ добровольцевъ: онъ совершаетъ переходы по глубокому снѣгу, страдаетъ отъ голода и, наконецъ, погибаетъ, сраженный пулею. Вотъ, наконецъ, безчисленное множество примѣровъ самоотверженія, менѣе блестящихъ и поэтому мало извѣстныхъ, остающихся почти всегда непризнанными,—примѣровъ, которые можно постоянно наблюдать, въ особенности среди женщинъ, если только дать себѣ трудъ открыть глаза и подмѣтить то, что лежитъ въ корнѣ человѣческой натуры, что и до сихъ поръ помогаетъ ей еще—худо-ли-хорошо—выпуты-

ваться изъ оковъ, не смотря на гнетъ эксплуатаціи и власти.

* * *

Одни трудятся во мракѣ безвѣстности, другіе—на болѣе обширной аренѣ, трудятся надъ дѣломъ прогресса человѣчества. И человѣчество не забываетъ этого. Вотъ почему ихъ жизнь окружена почетомъ и украшена легендою. Человѣчество идеализируетъ ихъ, дѣлаетъ героями своихъ сказокъ, пѣсенъ и романовъ. Въ ихъ лицѣ, оно поклоняется мужеству, добротѣ, любви и самоотверженію, котораго недостаетъ огромному числу людей. Память о нихъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Человѣчество не забываетъ даже тѣхъ, арена дѣятельности которыхъ замыкалась въ узкомъ кругу семьи или друзей: память ихъ чтится въ семейныхъ традиціяхъ.

Вотъ эти-то люди и являются творцами истинной нравственности, той, которая единственно достойна этого имени; все остальное—не болѣе какъ простыя соотношенія равенства. Не будь этого мужества и самоотверженія, человѣчество погрязло бы въ тинѣ мелочныхъ расчетовъ. Наконецъ, другіе люди вырабатываютъ мораль будущаго, ту мораль, которая появится тогда, когда, оставивъ въ сторонѣ р а с ч е т ъ, наши дѣти будутъ воспитываться на идеѣ, что лучшее употребленіе энергіи, мужества, любви заключается въ томъ, чтобы прилагать всѣ эти силы туда, гдѣ въ нихъ ощущается наиболѣе живая потребность.

* * *

Это мужество, это самоотверженіе существовало во всѣ времена. Оно встрѣчается у всѣхъ общественныхъ животныхъ. Оно существуетъ у человѣка даже въ періоды упадка.

И во всѣ времена религія пыталась присвоить себѣ эти подвиги, пустить ихъ въ оборотъ для достиженія своей выгоды. И если религія существуетъ еще до сихъ поръ, то только благодаря тому, что—оставляя въ сторонѣ невѣжество—она, во всѣ времена, взывала къ этому мужеству и самоотверженію. Къ нимъ-же взываютъ и революціонеры—соціалисты въ особенности.

Когда-же дѣло дошло до объясненія происхожденія этого мужества и самоотверженія, религіозные, утилитарные и прочіе моралисты впали въ заблужденіе, которое мы уже отмѣтили выше.

Честь открытія истиннаго происхожденія этого мужества и самоотверженія, помимо какихъ бы то ни было мистическихъ силъ, помимо какихъ бы то ни было меркантильныхъ соображеній, своеобразно придуманныхъ утилитаристами англійской школы, — честь этого открытія принадлежитъ молодому философу Гюйо, который является, помимо своего вѣдома, анархистомъ. Тамъ, гдѣ потерпѣла неудачу философія Канта, потерпѣли неудачу позитивисты и эволюціонисты, — философы-анархисты проложили вѣрный путь. „Мужество и самоотверженіе происходятъ", говоритъ Гюйо, „изъ сознанія собственной силы. Это — сама жизнь, которая переполняется и бьетъ черезъ край". Внутреннее сознаніе того, что человѣкъ способенъ совершить является первымъ шагомъ къ сознанію того, что онъ долженъ совершить.

Чувство нравственнаго долга, которое знакомо въ жизни каждому человѣку, и которое пытались объяснять всевозможными мистическими способами, чувство долга есть ничто иное, какъ избытокъ жизни, который ищетъ себѣ приложенія, стремится отдаться. Это въ одно и то-же время — сознаніе своей силы.

Всякое накопленіе силъ оказываетъ давленіе на воздвигаемыя этимъ силамъ препятствія. Кто способенъ дѣйствовать, тотъ обязанъ дѣйствовать. И если очистить отъ мистицизма понятіе о пресловутомъ нравственномъ долгѣ, оно сведется къ слѣдующему правильному сужденію: жизнь сохраняется только при условіи ея распространенія.

„Растеніе не можетъ не цвѣсти. Иногда цвѣтеніе приноситъ съ собою смерть. Что за бѣда! Жизненные соки продолжаютъ свое поступательное движеніе", говоритъ молодой философъ-анархистъ. То-же самое происходитъ и съ человѣкомъ, когда онъ полонъ силы и энергіи. Сила въ немъ понемногу накапливается, и онъ изливаетъ избытокъ своей жизни. Онъ отдаетъ, не расчитывая: иначе жить онъ не можетъ. И если онъ осужденъ на гибель, какъ распускающійся цвѣтокъ, не все-ли равно? Жизнь разольется дальше, если только въ немъ была жизнь.

Будь силенъ. Пусть энергія твоихъ страстей и интеллекта бьетъ черезъ край, ты перельешь тогда и въ другихъ.

свой разумъ, любовь и активную силу. Вотъ къ чему сводится цѣликомъ ученіе о нравственности, очищенное отъ лицемѣрія восточнаго аскетизма.

IX.

Сила человѣка, избытокъ жизненной энергіи, которая побуждаетъ его отдавать свой разумъ, чувства, дѣятельность, не требуя для себя ничего взамѣнъ—вотъ что вызываетъ чувство восторга у человѣчества по отношенію къ истинно-нравственной личности.

Человѣкъ сильнаго ума, въ которомъ бьетъ ключемъ интеллектуальная жизнь, естественно стремится излиться. Мыслить, не имѣя возможности дѣлиться своими мыслями съ окружающими—не доставляетъ никакого удовольствія. Только человѣкъ бѣдный идеями тщательно прячетъ какую нибудь съ трудомъ пойманную мысль, чтобы заштемпелевать ее впослѣдствіи своимъ именемъ. У человѣка крупнаго ума мысль кипитъ ключомъ: онъ щедро расточаетъ ее направо и налѣво. Онъ страдаетъ, если не можетъ дѣлиться своими мыслями, распространять ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Въ этомъ для него—вся жизнь.

То-же явленіе происходитъ въ области чувства. Мы не способны удовлетворяться сами собой; „у насъ гораздо больше слезъ, чѣмъ это требуется нашими страданіями,—больше въ запасѣ радостей, чѣмъ сколько оправдывается нашимъ существованіемъ“, сказалъ Гюйо, резюмируя такимъ образомъ всѣ вопросы морали въ нѣсколькихъ справедливыхъ строкахъ, которыя онъ позаимствовалъ у природы.

Одинокое существо страдаетъ, оно испытываетъ какое то безпокойство, когда не можетъ подѣлиться своими мыслями и чувствами съ окружающими. Когда человѣкъ переживаетъ большое счастье, ему хочется, чтобы окружающіе знали, что онъ существуетъ, любитъ, живетъ, протестуетъ, борется.

* * *

Въ то-же время онъ чувствуетъ потребность проявлять свою волю, свое активное чувство. Дѣятельность, трудъ стали уже потребностью огромнаго большинства людей; вотъ почему, какъ мужчина, такъ и женщина, у которыхъ нелѣпыя условія

нашей жизни отнимаютъ полезный трудъ, изобрѣтаютъ себѣ пустыя, безсмысленныя занятія и обязанности, чтобы найти какое нибудь поле дѣйствія своимъ активнымъ силамъ. Они изобрѣтаютъ что бы то ни было: какую нибудь теорію, религію, „общественный долгъ“ для того, чтобы убѣдить самихъ себя, что дѣлаютъ какое-то полезное дѣло, что занимаются полезной работой. Если они танцуютъ, то—только съ благотворительной цѣлью, если раззоряются на наряды—только для того, чтобы поддержать на высотѣ престижъ аристократизма, если ровно ничего не дѣлаютъ—только исключительно ради одного, только одного принципа.

Человѣкъ всегда чувствуетъ потребность помогать ближнему, вносить свою лепту труда въ огромный и тяжелый подвигъ движенія впередъ прогресса человѣчества.

Во всякомъ случаѣ, „всѣ убиваются вокругъ этой задачи“, говоритъ Гюйо. Эта потребность внесенія своей лепты въ общее дѣло такъ велика, что мы наблюдаемъ ее у всѣхъ общественныхъ животныхъ, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ ихъ развитія. А что такое вся эта лихорадочная дѣятельность, которая такъ безплодно растрачивается въ политикѣ, какъ не потребность приложить свои силы къ движенію колеса исторіи или хотя бы участвовать въ общемъ хорѣ.

* * *

Несомнѣнно, эта „плодовитость воли“, эта жажда дѣятельности—при бѣдности чувства и недостаткѣ творческой способности ума—порождаетъ только какого нибудь безумца: Наполеона I или Бисмарка, которые хотѣли повернуть обратно колесо исторіи. Съ другой стороны, и плодовитая мысль, которая лишена развитой чуткости, приноситъ сухіе плоды въ лицѣ ученыхъ, которые только задерживаютъ прогрессъ науки. Наконецъ, чувство, которымъ не руководитъ достаточно широкій умъ, порождаетъ тѣхъ женщинъ, которыя готовы пожертвовать всѣмъ какому нибудь грубому животному, которому отдаютъ всю свою любовь.

Жизнь должна изобиловать въ одно и то-же время и умомъ, и чувствомъ, и волею для того, чтобы сказаться дѣйствительно плодотворной. Но въ такомъ случаѣ, эта разносторонняя плодо-

витость и есть сама жизнь—единственная вещь, заслуживающая этого названія. За одинъ мигъ этой жизни тотъ, кому она блеснула однажды, отдастъ цѣлые годы растительнаго существованія.

Кто не вкусилъ отъ этого живого источника жизни, тотъ является не болѣе, какъ преждевременнымъ старцемъ, ничтожествомъ, растеніемъ, которое поблекло, не успѣвши расцвѣсть.

„Оставимъ разлагающемуся поколѣнію „fin de siecle" эту жизнь, которая не заслуживаетъ названія жизни", восклицаетъ молодежь полная жизни, которая хочетъ жить и сѣять вокругъ себя жизнь. И всякій разъ, какъ только начинаетъ разлагаться общество, дружный напискъ этой молодежи разрушаетъ ветхія экономическія, политическія и нравственныя формы и насаждаетъ новую жизнь. Что за бѣда, если единичныя личности погибнутъ въ борьбѣ! Жизненный пульсъ продолжаетъ биться. Жизнь идетъ поступательнымъ ходомъ. Для погибшаго—жить значило цвѣсти, какими бы послѣдствіями это не грозило ему: онъ о нихъ не пожалѣетъ.

* * *

Но не касаясь героическихъ эпохъ исторіи человѣчества и разсуждая лишь о повседневной жизни, развѣ жизнь, которая идетъ въ разрѣзъ съ нашими идеалами, можетъ назваться жизнью?

Въ наше ремя часто говорятъ о презрѣніи къ идеалу. Это понятно. Идеалъ такъ часто смѣшивали съ его буддійскими и христіанскими ересями, его такъ часто пускали въ ходъ для того, чтобы надувать простаковъ, что реакція является необходимой и полезной. Мы, съ своей стороны, также хотѣли бы замѣнить слово „идеалъ", покрытое такою грязью, другимъ словомъ, болѣе соотвѣтствующимъ новымъ идеямъ.

Но какое бы слово мы ни употребили, самый фактъ остается на лицо: у всякаго человѣка существуетъ свой идеалъ; у Бисмарка—свой, какъ бы фантастиченъ онъ ни казался въ своей формулировкѣ—„огнемъ и мечомъ".

У каждаго буржуа—свой идеалъ, хотя бы въ видѣ серебряной ванны Гамбетты, его повара Тромпеттакъ—множества рабовъ,

необходимыхъ для того, чтобы оплатить, не слишкомъ стѣсняя себя, расходы по содержанію Тромпетта и ванны.

Но рядомъ съ ними существуютъ люди, которымъ сталъ доступенъ высшій идеалъ. Чисто животное существованіе перестаетъ ихъ удовлетворять. Рабство, ложь, недостатокъ искренности, интриги въ отношеніяхъ людей—возмущаютъ ихъ. Развѣ они могутъ стать, въ свою очередь, лжецами, рабами, интриганами и угнетателями? Они провидятъ, какою прекрасною стала бы жизнь, если бы между людьми установились лучшія отношенія. Они чувствуютъ въ себѣ присутствіе силы необходимой для того, чтобы устанавливать каждый разъ эти лучшія отношенія къ тѣмъ, кого вттрѣчаютъ на своемъ пути: они постигли то, что носитъ названіе идеала.

Откуда берется этотъ идеалъ? Какимъ образомъ онъ складывается? Путемъ-ли наслѣдственности, съ одной стороны, и жизненныхъ впечатлѣній—съ другой? Намъ ничего не извѣстно объ этомъ. Мы можемъ только написать болѣе или менѣе правдивую исторію развитія идеала въ своихъ біографіяхъ—не болѣе.

Но онъ всетаки на лицо: онъ мѣняется, прогрессируетъ, поддается внѣшнимъ вліяніямъ, но все-же остается живымъ. Это, въ значительной степени, безсознательное ощущеніе того, что даетъ намъ наибольшую сумму жизненности, жизнерадостности. Такъ вотъ: жизнь оказывается здоровой, плодотворной, богатой чувствомъ только тогда, когда отвѣчаетъ такому понятію идеала. Попробуйте поступать въ разрѣзъ съ этимъ понятіемъ и вы почувствуете раздвоеніе своей жизни; она потеряетъ свою цѣльность, утратитъ силу. Попробуйте часто измѣнять своему идеалу, вы кончите тѣмъ, что парализуете свою волю и активную силу. Скоро вы утратите силу и непосредственность рѣшенія, которою нѣкогда обладали. Вы окажетесь разбитымъ существомъ.

Здѣсь нѣтъ ничего таинственнаго, если вы разсматриваете человѣка, какъ нѣчто сложное, составленное изъ самостоятельно дѣйствующихъ нервныхъ и мозговыхъ центровъ. Попробуйте колебаться между разнообразными, борющимися въ васъ, чувствами и вы нарушите равновѣсіе своего организма, вы превратитесь въ больного, лишеннаго воли человѣка. Интенсивность жизни понизится и тщетно станете вы искать компромисса. Вы не бу-

дете уже тѣмъ цѣльнымъ, сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ, какимъ были тогда, когда ваши дѣйствія согласовались вполнѣ съ идеальными сужденіями вашего ума.

X.

А теперь, прежде чѣмъ сдѣлать заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ объ альтруизмѣ и эгоизмѣ—этихъ двухъ терминахъ, унаслѣдованныхъ нами отъ англійской школы,—которыми намъ прожужжали уши.

До сихъ поръ мы даже не упоминали о нихъ въ своемъ этюдѣ, такъ какъ, положительно, не видимъ того различія, которое пытались провести между ними англійскіе моралисты.

Проповѣдуемъ-ли мы эгоизмъ или альтруизмъ, когда говоримъ: „поступай съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой?“

Или, когда мы подымаемся выше и говоримъ: „счастье каждаго отдѣльнаго человѣка тѣсно связано съ благоденствіемъ окружающихъ; правда, можно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ чувствовать себя относительно счастливымъ и въ обществѣ, построенномъ на несчастіи другихъ, но счастіе это созидается на пескѣ; оно не можетъ быть продолжительнымъ; самой ничтожной причины достаточно, чтобы разбить его, и оно является совершеннымъ ничтожествомъ по сравненію съ тѣмъ счастіемъ, которое возможно среди равныхъ. Слѣдовательно, нашъ поступокъ всегда окажется хорошимъ, если мы поставимъ своею цѣлью общее благо“. Проповѣдуемъ ли мы альтруизмъ или эгоизмъ, когда говоримъ объ этомъ?. Нѣтъ, мы просто констатируемъ фактъ.

А когда мы говоримъ, перефразируя изрѣченіе Гюйо:„ если ты дорожишь наслажденіемъ, которое даетъ полная, цѣльная и плодотворная жизнь, будь силенъ, будь великъ, проявляй силу и в е л и ч і е во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, развивай свою жизнь во всѣхъ ея направленіяхъ, накопляй, какъ можно болѣе, энергіи, а для этого старайся быть человѣкомъ, какъ можно болѣе общительнымъ и общественнымъ. Руководясь постоянно широко развитымъ умомъ, вступай въ борьбу, не бойся риска—въ рискѣ есть своеобразная прелесть—отдавай всѣ свои силы, не расчитывая ихъ, пока они у тебя есть, на все, что ты считаешь великимъ и прекраснымъ, и тогда ты воспользуешься наибольшею

суммою возможнаго счастія. Слейся воедино съ массою и тогда, что-бы съ тобою не случилось въ жизни, ты будешь чувствовать, что сердца всѣхъ тѣхъ, кого ты уважаешь, бьются за тебя, а противъ тебя бьются сердца тѣхъ, кого ты презираешь„.

Что проповѣдуемъ мы, говоря все это? Альтруизмъ или эгоизмъ?

Бороться, идти на встрѣчу опасности, бросаться въ воду не только для спасенія человѣка, но даже и кошки, питаться черствымъ хлѣбомъ, чтобы положить конецъ возмущающей насъ несправедливости, сознавать свою солидарность съ тѣми, кто заслуживаетъ любви и чувствовать себя любимыми ими въ свою очередь—все это, быть можетъ, является жертвою для немощнаго философа, но для мущины, для женщины полныхъ энергіи, силъ, мужества, молодости—въ этомъ заключается вся радость ощущенія бытія. Что-же это такое? Есть-ли это эгоизмъ или альтруизмъ?

* * *

Вообще, моралисты, которые построили свои системы на мнимой противоположности эгоистическаго и альтруистическаго чувствъ, вступили на ложный путь. Если-бы это противоположеніе существовало въ дѣйствительности, если-бы благо индивида являлось на самомъ дѣлѣ противоположнымъ благу вида, существованіе человѣческаго рода оказалось бы невозможнымъ, и ни одинъ изъ видовъ животнаго царства не могъ бы достичь современнаго развитія. Если-бы каждый отдѣльный муравей не испытывалъ интенсивнаго удовольствія, работая на пользу благоденствія муравейника, существованіе муравейника оказалось бы невозможнымъ, и муравей не былъ бы тѣмъ, что онъ есть теперь: существомъ, достигшимъ самой высокой ступени развитія въ царствѣ насѣкомыхъ, существомъ, мозгъ котораго, едва видимый черезъ увеличительное стекло, надѣленъ почти такою же силою, какъ и мозгъ средняго человѣка. Если бы птицамъ не доставляло большого удовольствія ни ихъ перелетъ, ни заботы, которыми они окружаютъ свое потомство, ни совмѣстныя дѣйствія, которыя они предпринимаютъ въ свою защиту отъ хищ-

никовъ, они не достигли бы теперешняго развитія. Типъ птицы регрессировалъ бы, вмѣсто того чтобы прогрессировать.

И когда Спенсеръ говоритъ о наступленіи такого времени, когда благо индивида сольется воедино съ благомъ вида, онъ забываетъ одно: если-бы эти интересы не были-бы во всѣ времена тожественными, то эволюція животнаго царства оказалась бы невозможной.

Правда, во всѣ времена, какъ въ царствѣ животныхъ, такъ и въ родѣ человѣческомъ оказывалось большое количество особей, которыя не понимали того, что благо отдѣльнаго индивида и вида въ его цѣломъ, посуществу, тожественны. Они не понимали, что, такъ какъ главной цѣлью жизни индивида является ея интенсивность, то онъ и ищетъ этой интенсивности въ максимумѣ соціальности, въ наивозможно большемъ отожествленіи собственнаго „я“ со всѣмъ окружающимъ.

Но въ этомъ оказался лишь недостатокъ ума и понятливости. Во всѣ времена существовали люди ограниченные, во всѣ времена существовали дураки. Но никогда еще, ни въ одинъ изъ періодовъ исторіи, и даже геологіи, благо отдѣльнаго индивида не противополагалось благу общества. Всегда они оставались тожественными, и тѣ, кто сумѣлъ лучше другихъ понять это, тѣ и получили возможность насладиться наиболѣе полной жизнью.

* * *

Слѣдующая противоположность между эгоизмомъ и альтруизмомъ является, съ нашей точки зрѣнія, нелѣпостью. Вотъ почему мы ничего не говоримъ о тѣхъ компромиссахъ, которые, если только принять на вѣру мнѣніе утилитаристовъ, постоянно совершали бы люди, колеблющіеся между эгоистическимъ и альтруистическимъ чувствомъ. Для убѣжденнаго человѣка такихъ компромиссовъ не существуетъ.

На самомъ-же дѣлѣ существуетъ вотъ что: когда мы, въ условіяхъ современной дѣйствительности, дѣлаемъ попытки устроить свою жизнь согласно своимъ принципамъ равенства, мы чувствуемъ, что они попираются на каждомъ шагу.

Какъ бы ни были скромны нашъ обѣдъ и жилище, мы все-таки оказываемся Ротшильдами по сравненію съ тѣмъ, кто ищетъ ночлега подъ аркою моста и терпитъ недостатокъ въ

кускѣ черстваго хлѣба. Какъ бы мало мы не отдавались интеллектуальнымъ и артистическимъ наслажденіямъ, мы опять таки оказываемся Ротшильдами по сравненію съ милліонами людей, задавленныхъ физическимъ трудомъ, для которыхъ наслажденіе науками и искусствами является недоступнымъ и которые такъ и окончатъ свою жизнь, не испытавъ этихъ высокихъ наслажденій.

Мы сознаемъ, что не довели еще принципа равенства до его логическаго конца. Но мы не хотимъ входить въ компромиссъ съ этими условіями. Мы возмущаемся противъ нихъ: они угнетаютъ насъ, они дѣлаютъ изъ насъ революціонеровъ. Мы не можемъ примириться съ тѣмъ, противъ чего протестуемъ. Мы отвергаемъ какой бы то ни было компромиссъ, отвергаемъ даже перемиріе и даемъ обѣтъ бороться до конца съ этими условіями.

Это уже не компромиссъ, а убѣжденному человѣку и не надо компромиссовъ, которые позволили бы ему спокойно уснуть до тѣхъ поръ, пока все уладится само собой.

* * *

Мы добрались, наконецъ, до конца своего этюда.

Нами уже было упомянуто, что существуютъ эпохи, въ которыя рѣзко мѣняются понятія о нравственности. Становится ясно, что то, что считалось нравственнымъ, является въ сущности глубоко безнравственнымъ: въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обычаемъ, съ глубокочтимой традиціей, которыя оказываются безнравственными въ самомъ корнѣ, въ другомъ—съ моралью, созданной для охраны интересовъ исключительно одного только класса.

Все это мы выбрасываемъ за-бортъ съ восклицаніемъ: „Долой мораль“ и начинаемъ считать своимъ долгомъ совершеніе безнравственныхъ поступковъ.

Мы привѣтствуемъ такія эпохи: это эпохи критики. Они служатъ самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что въ обществѣ происходитъ серьезная работа мысли и вырабатывается высшаго порядка нравственность.

Во что выльется эта мораль, мы пытались выразить это, основываясь на изученіи человѣка и животныхъ и мы уже видѣли абрисъ моральныхъ идей, зарождающійся въ массѣ и у

отдѣльныхъ мыслителей. Эта мораль не будетъ имѣть принудительнаго характера. Она рѣшительно откажется дѣлать изъ человѣка слѣпокъ съ отвлеченной идеи такъ-же, какъ откажется уродовать его съ помощью религіи, закона и правительства. Она предоставитъ полную и абсолютную свободу личности. Она ограничится простымъ констатированіемъ фактовъ, а слѣдовательно превратится въ науку. И эта наука скажетъ людямъ: Если ты не чувствуешь въ себѣ достаточно силъ, если у тебя ихъ ровно столько, сколько необходимо для поддержки сѣренькой однообразной жизни, безъ яркихъ впечатлѣній, безъ крупныхъ радостей, но и безъ большого горя—тогда придерживайся простого принципа справедливаго равенства.

Въ условіяхъ равенства ты найдешь, по крайней мѣрѣ, наибольшее количество возможнаго счастья, соотвѣтствующаго твоимъ дюжиннымъ силамъ.

Но если въ тебѣ говоритъ молодой энтузіазмъ, если ты хочешь жить и наслаждаться полною жизнью, которая бьетъ черезъ край, т. е. познать высшее наслажденіе, о какомъ только можетъ мечтать живое существо—будь силенъ, будь энергиченъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Насаждай вокругъ себя жизнь. Помни, что лгать, надувать, хитрить, интриговать—значитъ унижаться,—значитъ заранѣе признавать свою слабость и уподобляться тому невольнику гарема, который самъ считаетъ себя стоящимъ ниже своего господина. Поступай такъ, если хочешь, но знай напередъ, что въ такомъ случаѣ человѣчество будетъ смотрѣть на тебя, какъ на мелкаго, дряненькаго, слабаго человѣка и будетъ относиться къ тебѣ сообразно такому взгляду. Не видя въ тебѣ силы, къ тебѣ будутъ относиться, какъ къ существу достойному состраданія и—только состраданія.

Не пеняй на человѣчество, если самъ парализуешь, такимъ образомъ, свою активную силу.

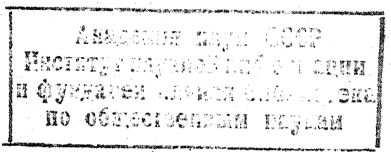
Наоборотъ, будь силенъ: каждый разъ, когда окажешься свидѣтелемъ несправедливости и подмѣтишь ее—будь то несправедливость въ жизни, ложь въ наукѣ или причиняемое кому нибудь страданіе—протестуй противъ несправедливости, обмана, неправосудія. Борись! Борьба—это жизнь и—тѣмъ болѣе интенсивная, чѣмъ горячѣе самая борьба; тогда ты сможешь сказать,

что жилъ, и не отдашь и нѣсколькихъ часовъ этой жизни въ обмѣнъ за цѣлые годы прозябанія въ гниломъ болотѣ.

Борись! Чтобы дать возможность и другимъ жить тою-же полною, бьющей ключемъ жизнью и, вѣрь, ты обрѣтешь въ этой борьбѣ такія великія радости, какихъ не существуетъ ни на какомъ другомъ поприщѣ.

Вотъ все, что можетъ сказать тебѣ наука о нравственности. Выборъ—въ твоихъ рукахъ.

2/II 70 г.

